

У Ж А С Ы

ТЭКСТ ИЛИ ПОСЛОВЕС

CREATED FOR

PERERO

Head Executive, Polero Builders Inc.
11 Olive Rd. Huntington Station, NY

Head Executive, Polero Builders Inc.
11 Olive Rd. Huntington Station, NY

СТРАШНЕЕ СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Алекс Бессмертный

18+

Алекс Бессмертный
Страшнее смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бессмертный А.

Страшнее смерти / А. Бессмертный — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Два неудачника заключили сделку с тем, кто страшнее дьявола. Их город во власти зловещих неведомых сил, от которых не существует спасения. Как уберечь себя, когда шансов на это нет? И какой будет расплата? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть I Месть	15
Глава 1 Лузеры	15
Глава 2 Сделка	35
Глава 3 Дом на пустыре	50
Глава 4 Качок, Кастет, Могила	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

Нечто у порога. Чёрное, бездонное, топкое. Нечеловеческое.

Его губы, сухие и тонкие, напряжённо шепчут: «Бред... бред... Кому ты веришь? Ничего не случится».

Здесь плохое место. Здесь умер от рака его дед. И хотя тот, с чьих губ срывался шёпот в ночи, в ту пору был ещё совсем мальчишкой, он помнит всё. О! Он не забудет этого никогда. Как тлело в ужасной и долгой агонии серо-жёлтое, превратившееся в обтянутый кожей скелет существо, которое взрослые, почему-то упорно продолжали называть «твой дедушка»; как оно выло, стонало и хрипело за белой стеной, как захлёбывалось в насадном душащем кашле... Он помнит тяжёлый гнилой смрад, который кувалдой ударил по ноздрям (с тех пор он знает, какой запах у смерти), когда его завели в *эту* комнату, чтобы проститься с тем, кого они звали «твой дедушка», и как из почерневшей беззубой дыры, заменявшей существу рот, с рыкающим бульканьем и грозным шипением, рвались наружу обрывки слов, фраз: «Проклинаю... Мрази... Вы... Будьте... Мать... Прокляты!»

Но лучше всего он помнит, и больше всего хотел бы забыть, если б мог, не это. Другое. Страшнее. Глаза существа. Вылупившиеся из орбит, никого не узнающие, невидящие, совершенно безумные. Их выпелые радужки совершали беспорядочные круговые движения в разных направлениях, порою полностью закатываясь за пергаментную плёнку век. И это было самым чудовищным, когда вместо живых глаз двумя мутно-жёлтыми пузырями, покрытыми красной паутиной сосудов и кляксами кровоизлияний, пучились пустые слепые белки.

Мальчик в страхе отшатнулся от кровати умирающего. Но его кто-то мягко взял за плечи, и зачем-то подвёл к самому изголовью. И тут радужки глаз существа вдруг выскочили из-под век, угли огромных зрачков сверкнули какой-то озверелой искрой, и взгляд, всё лицо существа на миг приобрели, как показалось, осмысленное и зловещее выражение. Эти жуткие глаза вперились, вцепились в мальчишку мёртвой, парализующей хваткой. Из-под простыни молниеносным броском кобры, вырвалась сморщенная костлявая лапа, обтянутая тонкой, синюшно-фиолетовой, покрытой ржавыми пятнами, кожей. Торчащий из лапы крюк узловатого указательного пальца больно ткнул мальчишку в грудь. «Ты!» – прохрипело существо.

Он тогда заорал, завизжал так, что казалось оконные стёкла в *той* комнате со звоном разлетятся на миллион острых как бритва осколков. Его увели из комнаты. Но до сих, из года в год, в самых кошмарных снах, к нему приходит это существо с глазами демона, и тыча своим ужасным корявым когтем ему в грудь, говорит притворно-елейным голосом умершего дедушки: «Ты! Не забыл меня, внучек? Скоро увидимся, цыплёнок!», а сказав это, начинает заходиться хрипящим чавкающим смехом, как две капли воды похожим на кашель того, сгорающего в агонии существа из раннего детства.

А когда ему было лет этак восемь, здесь повесилась бабушка. В ванной, на кронштейне для душа. Старушка узнала о своём диагнозе, таком же, как у дедушки. Её можно понять. Не захотела превращаться в существо...

С прежними здешними жильцами – тоже беда. Муж размозжил череп жене. Из ревности. Да не просто размозжил, а таял и таял неверную по темени, лбу и лицу молотком для отбивания мяса до тех пор, пока всё что находилось выше её шеи не сделалось кровавым месивом из ошмётков мозгов и осколков костей. А после сиганул с пятого этажа... Соседи постарше до сих пор смакуют эту историю. Поговаривают, и до сего происшествия здесь что-то было. Нехорошее. Что именно – толком уж и не узнать. Одна старушка одну жуть расскажет, другая – другую. Старушки, они ведь любят посплетничать. Может, это и правда. Дом старый.

После похорон бабушки, когда разошёлся помянувший покойницу народ, его мать сказала только одну фразу: «В этом доме пахнет смертью».

Отец, всегда относившийся к мистической чуши то со снисходительным хохотком, то с презрительным скепсисом, на сей раз тоже был краток: «Съезжаем ко всем чертям. Есть где жить. Квартирантам сдавать будем». Но квартиранты здесь, почему-то тоже долго не задерживались... Плохое здесь место.

«Что я здесь делаю? Я что, идиот?» – спрашивал он себя теперь вслух, потому что там, в глубине его груди уже пошевеливал клейкими лапками гадкий таракан тревоги. Когда говоришь вслух, даже сам с собою, легче обмануть боязнь, легче поверить в то, что ты не один.

«Если я здесь, то получается, верю этому маньяку? Верю, всей этой херне?» – ему показалось, что голос отразился от стены покрытой белым левкасом. Стены, отделяющей зал от той комнаты. Тогда, много лет назад, когда за нею хрипела и задыхалась теряющая рассудок мумия, стена тоже была белой, только покрытой, конечно же, не левкасом, а простой рабочей-крестьянской извёсткой.

«А ведь, верю, баран я дроченый, если припёрся сюда» – бросил он свой сделавшийся ещё более громким, чтобы убить зарождающийся страх, голос в пугающую и ненавистную стену.

«Да ничего не будет! Не будет! Слышь, ты, псих, недоделанный! Хрен тебе!» – он уже кричал.

Время нынче плохое. Оно приближается, оно наползает неотвратимо с каждым вздрагиванием минутной стрелки, под глухое похоронное тиканье этих монстроподобных древних часов, намертво прибитых к торцевой стене зала, и висящих там дольше вечности. Бельмо их закопчённого циферблата видело и запомнило всё. Всё то, что ему так хотелось бы навсегда вычеркнуть из памяти. «Господи! Как же я ненавижу эти часы!»

На почерневшем от времени круге – без пяти час по полуночи. Ещё совсем чуть-чуть и это случится...

Время суток с часа до трёх. Час Быка. Час демона. «Щель». В эту пору всё живое беззащитно от сил зла. В эти часы чаще всего наступает смерть...

«Да ни хрена не случится! И мне по фигу, что час быка, что час ишака, что час мудака! Понял ты, придурок чокнутый?!» – он заорал так, что голос его, взлетевший на три октавы вверх, перешёл на визг при последних словах, и сорвался, превратившись в кашель.

Из личного сообщения от Чёрного блогера. 25 июля в 13.38

«Вот и настал твой черёд, мой несчастный друг! Оно нашло тебя. Оно идёт за тобой. Докажи, что ты не самый ничтожный из всех ничтожных лузеров. Докажи, что ты не самый жалкий из самых жалких трусов. Встреть его. Сможешь ли? Будь в том месте, где приняли свою страшную смерть твои пращурь. Оно уже рядом. Именно там. Грядущей ночью. В час Быка...»

Потолок здесь высокий, убран аляповатой лепниной. Задумывались ветки с цветами, а вышли кости да черепа. «Может, поэтому чувствуешь себя как в склепе? Какой идиот додумался до такого? Видать, бывший хозяин, тот самый, что раскроил кочерыжку своей женошке. С такого станется... Почему ни родители, ни дед с бабкой так и не удосужились сбить эту хрень с потолков?»

Как тихо здесь. Как же здесь тихо! Почему здесь так тихо? И вправду, как в склепе. Только отвратительное скрежещущее тиканье этих адовых часов.

«Надо было водку взять, – подумалось ему, – вот дурак, что не взял. А тихо здесь, это потому, что дом стоит на отшибе, на самых гнилых задворках микрорайона. Дальше только свалка да лес. Так здесь, всегда тихо было!...»

Бом-м-м-м!

Тишина треснула, загудела, застонала. Он вздрогнул, рванулся, в висках застучали два молотка.

«Ах вы суки!» – Он сорвал тапок с ноги и яростно запустил его в ненавистные тикалы. Час Быка пробил.

Тишина. Тиканье. Стук сердца.

Проползла минута. Две. Пять.

«Эх, замазать бы!» – сказал он про себя.

«Пять минут – полёт нормальный», – констатировал вслух.

Когда минутная стрелка уставилась своим остриём прямо в пол, он с ногами вскочил на диван, запрыгал на нём как бес, закружился как дервиш, загоготал, заголосил, разбивая тишину своего склепа вдребезги: «Ага! Пол часа! Пол часа! И ни хрена! Ни хрена!»

«Ну что, съел? Съел, недоумок!?» – грозил он кому-то невидимому кулаком, подскакивая на скрипучем диване. «В гробу я видал твой час быка, мудила!» – радостно вопил он, взлетая всё выше к потолку. «Топтал я твоё Нечто, вместе с тобой!» – выкрикивал он, выставляя «факи» на обеих руках, и подлетал всё выше, выше, к той лепнине, которая теперь уже не казалась ему зловещей.

Он трубил победу, дул в фанфары, праздновал триумф, пока нечто не заставило его умолкнуть. Разом.

Такое не могло показаться. Это невозможно спутать ни с чем. Его не вытравить из памяти никакой кислотой.

Разбуженное его прыжками тело ветхого дивана ещё дрожит, словно несвежий студень. Тускло светит пыльная люстра, обрамлённая уродливой лепниной. И вновь эта тишина. Гробовая. Расплющивает, глушит, душит. Он замер.

Запах! Тот самый свинцовый мучительный смрад, что лупанул в нос, когда его ввели в комнату, заживо разлагающегося деда. Этот душок явно читался в спёртой духоте зала, расползаясь по ней невидимым маревом. И он почувствовал, он просто это осознал: Нечто уже не на пороге, оно только что вошло сюда, вместе с этим чудовищным духом.

Оно в доме.

Таракан тревоги в груди враз потолстел, раздулся, превращаясь в мохнатого скорпиона страха. Его взгляд упал на дверь. На тяжёлую старую дверь, покрытую выгоревшей, местами облупившейся коричневой краской, дверь, ведущую из зала в дедову спальню. Сделав над собою усилие, он сошёл с дивана на пол, и медленно двинулся к этой двери. Остановился прямо перед ней. Сомнений больше нет. Разило оттуда. Но всё-таки, он опустился на колени, наклонил голову к самому полу, к щели между паркетом и нижней кромкой этой чёртовой двери, потянул носом воздух. Его замутило.

Там разлагается труп?!

«Нет! Нет! Должно же быть какое-то разумное объяснение, – забарабанили в его черепной коробке спасительные мысли, – Да просто бывшие квартиранты что-то там оставили. Еду какую-нибудь. Ну и стухла она...».

Проверить эту версию не сложно – поверни ручку, распахни дверь, и... Но внезапно он понял, что не сделает этого ни за что. Никто на свете не сможет заставить его отворить эту дверь сейчас.

Там кто-то есть...

Он просто ощутил это кожей. Там кто-то или что-то есть.

В тот же миг, будто бы в подтверждение этого жутковатого чувства, за зловещей дверью, в *той* проклятой комнате, что-то бухнуло, шлёпнуло. Будто увесистый кусок гниющего мяса уронили на пол. Зловоние сделалось нестерпимым.

Он вскрикнул, отшатнулся от двери. Сердце отбойным молотком колотило изнутри по грудной клетке. «Бежать отсюда! Бежать!»

Пятясь, крадучись, он отступил к дивану. Медленно, стараясь не создавать ни малейшего шума, сел. Прислушался. Всё тихо.

Через минуту он сказал себе, что это какой-то тюк, кренился, кренился, да и упал сам собою. Тюк, мешок, или что-нибудь ещё. Разве такого не бывает?

«Ещё как бывает!» – убеждал он себя.

Слегка успокоился. Но противное и давящее ощущение присутствия здесь кого-то, не уходило.

«Да нет здесь никого!» – выкрикнул он в пространство. «А дед-то уж двадцать лет скоро, как помер» – добавил он и хлопнул ладонью по шкуре дивана. Но голос его прозвучал, как-то неубедительно, жалко.

Вдруг за треклятой дверью кто-то хохотнул – тоненько, мерзко, будто с издёвкой.

«А-а-а!» Он ринулся в прихожую, опрокидывая стоящие на пути стулья. Схватил ключи с полки. Руки не просто тряслись, казалось они отбивали чечётку. Они просто обезумели, эти окаянные руки. «Прочь отсюда! Скорее!» Ключ упрямо не попадал в прорезь замка. Паника. Паника и истерика. И вдруг ему стало стыдно. Как же ничтожен он сейчас! Трясущийся, беспомощный от страха. И Чёрный блогер прав – он трус, он лузер.

Дрожь в руках ослабла. «Стоп! Отчего я бегу? От запаха? От звуков? Да это просто соседи ржали за стеной!» Он нервно рассмеялся, вытер ладонью, покрытый испариной лоб, вернулся в зал, стал напротив коричневой двери.

Я войду в эту дверь!

Он сделал нетвёрдый шаг вперёд и потянулся к крючковой ручке. Сейчас... В этот миг в доме погас свет.

Тьма обступила со всех сторон, и будто бы в ней дышало что-то. Казалось, тьма обладает разумом – неземным, враждебным. Он развернулся и побрёл туда, где в воцарившемся мраке серело мутное пятно окна зала.

«Чёрт!» – он налетел впотьмах на кадку с цветком. За окном всё та же мгла. Чернота. Ни огонька. Нет звёзд, нет луны. Только замершие силуэты деревьев, словно громадные призраки, угадываются во мраке. Духота и омертвевшая тишина. Будто весь мир сожран этой нечеловеческой тьмой, и ты единственная и последняя живая душа посередине неё.

«Твою мать! Авария. Весь район отключили. И это ж надо, именно сейчас!» – он бахнул кулаком по пыльному подоконнику.

«Так. Свечка. Нужно найти свечку. Должна быть где-то на кухне, если квартиранты её не оприходовали».

Он ощупывал и разбрасывал рукою всякий хлам в ящике кухонного шкафа, пока его пальцы не схватили то, что он искал. «Живём!».

Огрызок свечи тускло мерцал на крышке занюханного стола. На маслянистых стенах кухни дёргались уродливые тени. Он сидел на ветхом табурете и, как загипнотизированный, таранился на это мерцание.

Что-то должно случиться.

– Ворочалась в мозгу мерзкая мысль. Что-то серьёзнее, больше, страшнее, чем просто какой-то запах и звуки...

Он сгрёб огарок свечи в кулак, и решительным шагом направился в зал. Он войдёт в эту дверь. Войдёт, не дожидаясь утра, не дожидаясь, пока дадут свет. Он покончит с этим безумием немедленно, покончит раз и навсегда. И не будет больше страха, не будет стыда. А Чёрный блогер – это всего лишь закомплексованный утырок с большим и богатым воображением, и никто больше.

Он же не самый жалкий трус, и стоит уже прямо напротив *этой* двери, ведущей в самое пекло детских кошмаров. Он готов. Но что же это?

Что за наваждение? Не мерещится ли? Вся душа его стремительно наполнялась таким ужасом, перед которым сжималось и меркло даже то, преследующее память видение из далёкого прошлого, в котором узловатый крюк почерневшего пальца деда втыкается прямо в грудь: «Ты!».

Он видел сейчас, ясно видел в мертвенном мерцающем пламени свечи, что ручка этой проклятой двери медленно и беззвучно проворачивается, будто кто-то невидимый, чуждый, находящийся в *той* дьявольской комнате, неспешно, но верно давит на неё. То, что за дверью, намеренно не торопится, оно садистки наслаждается, оно питается его ужасом, его оцепенением, его агонией... Свеча выпала из руки.

В кромешной тьме, с грохотом снося всё на своём пути, он вновь бросается в прихожую, к входной двери, к спасению. Вот металлическая обивка. Вот прорезь замка. Ключи! Где ключи, чёрт бы их побрал! Были на полке. Он точно помнил, что положил их туда. Темно, хоть коли глаз. Теряющие управление ладони лихорадочно шарят по полке, судорожно облапывают пол. Ужас превращает руки в деревянные болванки, сдавливает ледяными тисками мозг. Ключей нет!

Он сдаётся. Замирает сжатым комком на полу. Нужны спички. Где они? Конечно, оставил на столе в кухне. Чтобы добыть огонь, надо вернуться назад. Чтобы попасть на кухню, нужно пройти через зал.

А вдруг оно уже там?

Он вслушивается в тишину. Сердце готово выскочить сквозь горло. Тишина эта, как восставший мертвец, она словно норовит задушить, разорвать. Она затаилась, она лишь ждёт своего момента...

Он поднимается на ноги. По стеночке, на ощупь пробирается через прихожую. Поворот. В зале не полная тьма, в зале глубокий сумрак. Через зал – быстрым шагом, натываясь на пни поваленных стульев. Коридор, ведущий на кухню. Кухонный стол. Коробок спичек!

Трясущиеся пальцы высекают огонь. Проклятье! Осталось всего три спичинки. Пока горит эта, нужно успеть вернуться.

Коридор. Зал. И здесь новая волна ужаса с колючим гудением обдаёт его с головы до пят. Дверь! Эта изуверская, чудовищная дверь в дедову спальню, открыта...

Он не помнит, как оказался в прихожей. Помнит только как, извиваясь поджариваемым червём, ползал по грязному полу, зажигая последние спички: одну, вторую... И ещё помнит, что слышал шаги, приближающиеся, шуршащие шаги в темноте. Слышал он их не ушами, нет. Он слышал их всем своим нутром, животом, грудью... Шаги ближе, ближе...

Где же проклятые ключи?! Последняя спичка. Последняя надежда. Она догорает, умирает, гаснет. Всё. Упала косматая тьма, мертвец-тишина наложила на горло свои холодные лапы. Он почувствовал себя в гробу, заживо погребённым под тремя метрами вязкой тяжёлой глины.

Он стоял на полу, на коленях, обращённый лицом к невидимой им входной двери. Шуршащие шаги в темноте смолкли. Его спинной мозг осязал: Нечто больше не приближалось. Оно у цели.

Фальцетик в его голове жалобно проныл: «Может, это сквозняк?..» Он медленно, оробело, будто бы со скрипом преодолевая каменное оцепенение тела, повернулся. Увиденное обратило его в статую.

Там, посередине кромешного мрака прихожей, в нескольких несчастных шагах от него, беспомощно стоящего на коленях, возвышалась, мрела, колыхалась в мёртвом безмолвии, святающаяся фигура. Абсолютно белая, без лица, она казалась созданной из плотного студенистого тумана. И вот она, (он? оно?) медленно поднимает мутно-белую, желеобразную руку вверх, вознося её над своей слепой туманной головой. В руке зажат предмет. И предмет этот состоит вовсе не из призрачного марева. Он совершенно реален. Он настоящий, и он чудовищен. Предмет этот – молоток для отбивания мяса. Громоздкий, сверкающий. Его ужасный, покрытый зубьями боёк густо обогрен свежей, вязко скапывающей куда-то во тьму кровью...

В непредставимой, запредельной тиши, фигура двинулась вперёд, прямо на почти убитого страхом, полумёртвого, парализованного, коленапреклонённого человечка. Единственное, что мог сделать человечек – это зажмурить глаза.

«Успею ли я услышать треск костей своего черепа?» – нелепо мелькнула последняя мысль в готовом лопнуть мозгу.

Бом! Бом!

Часы проббили два по полуночи.

Веки инстинктивно открылись. Глухая тьма. Ничего, кроме глухой тьмы. Фигуры не было.

«Я уже умер?»

Он рухнул на пол. Долго лежал, пытаясь укротить рвущее лёгкие дыхание. Минуты, одна за одной, исчезали в бездонной тьме. Больше ничего не происходило. Ни звуков. Ни видений. Он нащупал половой коврик, уселся на него, прокашлялся.

«Какой впечатлительный мальчик!» – вдруг сказал он.

Так говорила ему бабушка. Эхом ей вторила мама.

«Накаркали, дуры старые!» – ругнулся он.

Конечно же фигура ему привиделась. Иллюзия внушаемого придурка. А дверь открылась от сквозняка. Звуки тоже от сквозняка. Запах – привет от квартирантов. А ручка, так она и не двигалась вовсе. Показалось, только и всего.

Он поднялся на ноги, пошагал в зал, загорлавив песню: «Девять жизней у кошки, ворон живёт триста лет!» Но пение звучало фальшиво. Через притянутую за уши браваду, слишком отчётливо прорывались предательские нотки страха.

Оказавшись в зале, он угадал в сумраке очертания дивана. Осторожно, чтобы не задеть поваленные стулья и что-то там ещё, пробрался к нему, а пробравшись, с размаху плюхнулся задом на его мягкое и скрипучее брюхо.

«Посплю-ка я лучше, – сказал он самому себе, – довольно с меня».

Сказал это, и обмер.

Из чернеющего проёма коридора, ведущего на кухню, с неторопливой похоронной торжественностью, в зал вливалось лежащее на спине фосфоресцирующее тело. Оно невесомо висело в пустоте в каком-то метре от пола. Двигалось плавно, беззвучно; распространяя вокруг себя бледный сюрреалистический свет. Невозможно сказать состояло ли оно из мёртвой плоти или же из некой потусторонней призрачной материи. Это было тело женщины в короткой, прозрачной и тонкой ночной рубашке. Возможно, при жизни, формы тела этой женщины могли бы вызывать восхищение. У тела не было головы.

Оно вплыло в зал вперёд ногами, длинными, босыми и голыми. Сделало мягкий разворот по дуге, и двинулось к центру. Руки – сжаты и перекручены на груди, так, что казалась будто безглавая женщина пыталась от чего-то защититься. Тело мертво, недвижно.

Оно оказалось напротив дивана, застыло. Одна из его скрюченных рук, вдруг выпрямилась, взлетела кверху. Бледная, фосфоресцирующая, она помахала ему...

Нет сил кричать. Нет сил бежать. Да и куда бежать? Час Быка не выпустит его отсюда. Всё на что хватило остатков воли в этот миг, это потрясти головой и ущипнуть себя за ногу. Видение не уходило.

Это не галлюцинация!..

Безголовая покойница вовсе не приветствует его взмахами своей изящной тонкой руки. Она манит, она зовёт его за собой. И с обречённым отчаяньем он уловил, что некая сумасшедшая сила внутри него самого хочет последовать этому зову. Но он лишь ещё крепче вжался в диван. Он стал изваянием, он сам стал мертвецом, будто бы чувствовал, что его спасение сейчас в неподвижности.

Манящая рука взмахнула ещё несколько раз, и упала безвольной плетью. Через мгновение, будто что-то внезапно вспомнив, вновь приняла своё скрюченное положение на груди. После чего, тело развернулось на месте на девяносто градусов, и в той же печальной торжественности последовало ногами вперёд в направлении дедовой спальни. Бело-зелёный призрачный цвет, которым тлела нежить, осветил противоположную стену, и проём в ней. И стало видно, что дверь в эту адскую спальню широко распахнута. Тело всплыло в чёрную пасть проёма, и исчезло в ней, растворившись во мраке.

Неизвестно сколько времени прошло (минуты ли, часы?), пока он сидел, вдавленный в громаду дивана, покоряясь силе оцепенения. Сколько времени прошло, пока к нему возвратилась способность хоть что-то соображать? Жалкие попытки объяснить творящийся кошмар чем-то рациональным больше не посещали его треснувший по швам разум. Ему просто очень хотелось закрыть эту ужасную дверь. Но для этого надо было встать и сделать несколько шагов, туда, откуда через дрожащий сумрак веет зловонием – тем самым запахом смерти. Непосильная задача для того, кому страшно и шевельнуться.

Но инстинкт выживания, именно та слепая воля к жизни, сильнее. Она заставляет вновь и вновь встряхивать себя, и бороться, даже тогда, когда не знаешь с кем борешься и для чего. Сейчас он рывком встанет с дивана, в два прыжка доберётся до двери, нащупает в темноте её ребро, и со всей силы, что у него осталось, захлопнет эти врата в преисподнюю. После сдвинет сервант (что стоит у стены, где эта дверь, совсем близко) и устроит баррикаду. Он подопрёт эту баррикаду своим телом, навалится на неё, и, может быть, доживёт до утра...

Наконец, он решился. Но едва лишь сделал первое движение, оперев ладони о диванную подушку, готовясь к решительному рывку, как хлопнула дверь. Другая.

«Дверь в ванную», – догадался он. И тут же зашлёпали шаги где-то в чёрной утробе страшной квартиры. Нетвёрдые, шаркающие.

«В чьём образе сейчас предстанет передо мной моя смерть?»

Шлёпающее шарканье всё слышнее, всё ближе... И вот, слева, из-за угла – фиолетовый свет. Инфернальный, тусклый. Боже! Что это?

Окружённая демонически святащимся облаком, в комнату входит старуха. Глаза её невидящие, запавшие. Вокруг этих страшных глаз – чёрно-фиолетовые, под стать испускаемому облаком свечению, круги. Восковое лицо, покрытое оврагами морщин, перекошено. Кривой полубеззубый рот приоткрыт. Из него набекрень свисает пепельный лоскут языка. Голова, покрытая паклей волглых седых волос, неестественно вывернута набок. Цыплячья шея опоясана синюшной бороздой. Её истасканный пегий халат мокр, с него каплет вода. И каждый шаг её, изуродованных старостью, босых ступней, увенчанных обрубками пальцев с многовековыми наростами грибка вместо ногтей, оставлял лужи на скользком паркете.

«Это же моя бабушка! Только... мёртвая». Борозда на шее – след от бельевой верёвки, на которой она повесилась. «Кто просил тебя сделать этот кронштейн таким крепким?» – прозвучали в его голове слова упрёка матери отцу. «Зачем ты прикрепил его так высоко?». Действительно, зачем?

Чудовище двинулось прямо на него. Он приготовился (в который раз за эту несветимую ночь) к самому худшему. Но старуха, даже не взглянув в его сторону, свернула налево, и сделав своими копытами-ластами ещё несколько шоркающих шлепков, скрылась в дедовой комнате.

Он выдохнул. Едва ли это можно было назвать вздохом облегчения. Он ни за что не двинется с этого места. До утра. «Это не может не кончиться с рассветом!» Авось, пронесёт... «Похоже, эти твари, оставляют меня в покое, когда я не двигаюсь». Но, «Дьявол! Как же хочется ссать!» О том, чтобы отправиться сейчас в туалет, не могло идти и речи. Помочиться в штаны? Нет, это уж слишком. Надо встать с дивана, отойти на пару шагов, и...

Не успел он подняться на ноги, как услышал противный тоненький смех. Детский. Он замер. Из дальней комнаты (в которой когда-то была родительская спальня) донёсся топоток. Частый, лёгкий. Будто пробежал кто-то по ней. Кто-то маленький.

Из личного сообщения от Чёрного блогера. 25 июля в 13.42

«Оно, это Нечто, попытается убить тебя нынешней ночью, мой несчастный друг. Но я бы на твоём месте не слишком переживал по этому поводу. Смерть не худший исход. Ведь в рукаве у Него всегда припасено кое-что пострашнее смерти...»

Он медленно опустился на диван.

Он напряжённо вслушивается в тишину, нарушаемую лишь скрипящим стуком настенных часов, возможно, отсчитывающих последние секунды его жизни.

Топ-топ-топ-топ-топ...

Маленькая тёмная фигурка, с едва светящейся, как гнилушка во мраке головкой, пробежала через зал и скрылась в коридоре, ведущем на кухню.

Рефлексы подбросили его на ноги. (Нельзя двигаться!)

«О Господи! Кто это? Кто?»

Топоток послышался из другого места, из *той самой* комнаты напротив, оттуда где *они* все, где *Оно*...

В непроницаемой тьме проёма замерцали две искры. Тлеют, словно угольки. Надвигаются из этой дыры в преисподнюю. Пересекают порог...

Вдруг угольки хихикнули, высоко, пронзительно. Это глаза! Маленькое, тёмное существо со светящимися во мраке глазами, скорыми семенящими шагочками, подметая паркет полами длинной чёрной мантии, катится напрямик к нему. Гном? Карлик?

Ребёнок! Маленький мальчик, с большими, горящими оранжевым огнём глазами, останавливается в паре метров от него. Какие недобрые эти глаза! Сколько в них недетской жестокости. Мальчик смотрит на него снизу-вверх, хищно, пожирающе, испытующе. От этого ребёнка веет могильным холодом. Немая сцена длится несколько секунд.

Вдруг мальчик улыбнулся. Но это была не улыбка – оскал, обнаживший зубы. Зубы у мальчика не такие, какими они должны быть у обычного ребёнка. Вместо ряда плоских верхних и нижних резцов, во рту этого исчадия стоял жутковатый частокол мелких, но острых клыков. Оно сделало ещё два шага вперёд.

– Здравствуй, братик! – произнесло существо высоким детским голосом.

– Т-т-ты к-к-т-то?..

– Нерождённый.

– К-к-кто? – он медленно пятясь отступал от дивана, к окну.

– Ты думал мёртвые дети не растут, братик? – Мальчик, не теряя дистанции в один метр, следовал за ним. – Они тоже растут. Только очень медленно.

– Что тебе от меня нужно? – он продолжал отступать к окну.

– Я хочу, чтобы ты был со мной, братик, – мальчик вытянул из прорезей мантии ручонки со сверкающими острыми коготками на пальцах и протянул их навстречу.

– Я не твой братик! – поясница встретилась с подоконником.

– Нет, ты мой братик, – не согласился ребёнок-монстр. Его злые глаза загорались всё ярче. – Я умер в животике у нашей мамы, когда тебя ещё не было.

– Мне жаль, – рука шарилась по стеклу за спиной, отыскивая рукоятку.

– Ты играл с мамой, она целовала тебя, гладила по головке, да? А я? – огонь настоящей ярости запылал в глазах маленького чудовища, серые брови сомкнулись над переносицей, узкие губы затряслись, скривились. – Так не честно, братик!

– Мне жаль, – ладонь нащупала рукоять на оконной раме.

– Иди ко мне! – адское Нечто сделало ещё шаг вперёд, порвав разделяющую дистанцию до минимума.

– Нет! – он рывком развернулся лицом к подоконнику, рванул ручку, и распахнул окно настежь. Пятый этаж.

– Давай! – подбадривающе пропел детский голос за спиной.

Нога заброшена на подоконник.

– Давай, братик! Давай же! – то ли умолял, то ли торжествовал голос за спиной, – Сделай это! И мы будем всегда с тобой. Мы будем вместе играть. Мы будем вместе летать. Нам будет хорошо. Очень хорошо...

Взгляд вниз, в чёрный омут двора.

«...это Нечто попытается убить тебя нынешней ночью...»

Он убрал ногу с подоконника. Обернулся лицом к Нерождённому.

– Не хочешь? – со злобным разочарованием сказал тот. Глаза мелкого мертвяка ослепительно сверкнули, лицо исказила гримаса гнева. – Тогда ты пойдёшь к Нему!

Холодная когтистая ручонка схватила его за средний палец, сжала так, что хрустнули суставы. Рванула с такой мощью, что он распластался на полу. Какая бешеная сила была в этом существе из тёмного неведомого мира! Оно не волочило его по полу, оно с лёгкостью влекло из всех сил упирающегося, извивающегося ужом на паркете взрослого парня, *туда*, во тьму *той самой* ужасной комнаты.

Кончено. Он здесь. Эпицентр зловония. Как холодно! Разве так бывает в аду?

Медленно, со страхом открывает глаза. Он знает, что увидит. И он не ошибается.

– Поднимись! – приказывает дребезжащий замогильный голос. – Неподвижность тебя больше не спасёт.

Он встаёт. Встаёт во весь рост.

– Вот мы и увиделись, цыплёнок.

Это было ещё страшней, чем тогда, когда его привели прощаться. *Это* было ещё страшней, чем во снах. *Оно* хрипело, рокотало, булькало. *Оно* смердело сильнее, чем сто изгнивших мертвецов. *Оно* окружено колышущимся пурпурным светом. *Оно* голо и безобразно. Костлявое тело обляпано трупными пятнами, изъедено язвами, сочащимися голубоватым гноем. Бесформенный провал рта. Дыра вместо носа. И эти глаза. Просверливающие насквозь. Ненавидящие.

– Что тебе нужно, дед? – спросил он устало-равнодушным голосом человека, смирившегося со смертным приговором.

– Ты никогда мне не нравился, – просипело *Оно*, – ты был, есть, и навсегда останешься слабаком и трусом. Ты мой позор. Ты ничего бы не добился в жизни. Ты бы никем не стал.

Ты не человек. Ты – цыплёнок, жалкая курица! Лучше бы ты не родился. Лучше бы родился тот, другой, Нерождённый.

– Что тебе нужно, дед? – бессильно повторил он.

– Мне нужно чтобы ты страдал, недоносок! – сипение чудовища превратилось в оглушающий булькающий рык. – Мне нужно чтобы ты вечно страдал, вечно боялся!

– Я уже не боюсь умереть, дед. Я уже умер. Я уже мертвец.

– Не-е-е-т! – зачавкало ехидным смехом существо, – Так просто тебе не отделаться, цыпа. Тебя ждёт то, что страшнее смерти!

Вылетела вперёд костлявая лапа. Скрюченные узловатые пальцы сжали горло. Он не сопротивлялся. Он знал, что обречён. Ледяные пальцы давили, давили... В голове помутилось. В глазах посерело. Наступило Ничто.

Бом! Бом! Бом! Пробили часы, возвещая, что роковой Час Быка, на время покинул этот клочок Земли. Но ему уже не было дано услышать этот бой...

* * *

«Кирюша! Кирюша!» – кто-то тормозил его за плечо.

Он открыл глаза и увидел над собою испуганное лицо матери.

– Что ты здесь делаешь? На полу!

– Я... я... Не знаю.

– Ты пил? – лицо матери стало строгим.

Он отрицательно покачал головой.

– А это что такое? – мать указала рукою на пол. – Ты в луже лежишь! Ты что, описался?

– М-м-м...

– Почему ты спал здесь, на полу, в дедовой спальне? Ты никогда не любил эту комнату!

– Я... Просто, я...

– Кирюша, что с тобой? Ты что-то употребляешь? Наркотики? – лицо матери снова стало испуганным.

– Да ничего я не употребляю, мама! – он резко стал на ноги. – Душно было ночью, а здесь прохладнее. Поэтому зашёл сюда, лёг на пол, да и заснул. Всё.

– Уже первый час, ты знаешь об этом? Скоро люди придут, квартиру смотреть. Ты же сам вызвался убраться, забыл? Я ж на тебя понадеялась. А тут и конь не валялся!

– Ну, прости! Заснул.

– Недотёпа! Бездельник! Врун! Начинаящий алкоголик!

– Да, я такой.

– Постой, а что это у тебя на шее?

Он метнулся в зал, к трюмо, к зеркалу. На тонкой белой коже, по обеим сторонам, выдающегося вперёд клюва кадыка, атели два неровных, багрово-красных пятна. Повинуясь какому-то смутному и муторному чувству, он поднёс к близоруким глазам правую ладонь. Средний палец распух, и болел всеми своими тремя суставами.

Из личного сообщения от Чёрного Блогера. 25 июля в 13.42

«И если Оно не убьёт тебя этой ночью, то заронит в тебя семя своё. И это семя, будет возрастать в тебе. А как возрастёт, либо возвысит тебя до небес, либо ввергнет в бездны такие, в коих мёртвым завидовать станешь ты...»

Мог ли он знать тогда, стоя перед зеркалом у старого трюмо, только что переживший самую невероятную и ужасную ночь в своей жизни, что ночь эта станет всего лишь началом?..

Часть I Месть

Глава 1 Лузеры

«Жили были два лузера – Хмырь и Ботан...»

Из сказки Мориарти, сочинённой ко дню рождения Ботана

Ужасно быть уродом. Особенно, если ты не всамделишный урод, а лишь таким кажешься. Если же всамделишный, то оно даже лучше – не так обидно, тем более, что к этому привыкаешь.

Пыльным июльским вечером по городу брёл сутулый и тщедушный молодой человек, в мятой футболке и очках, как у Гарри Потера. Магазины и забегаловки зажигали первые вывески, трещины асфальта ставили ему подножки, а манекены из витрин глумливо смеялись вслед. Разумеется, козни трещин и презрение манекенов – лишь призраки воображения, но надсадный кашель, приступы которого сотрясали молодого человека, был очень даже реален. Чёртова аллергия! «Предастма», как сказал врач. Всё это из-за проклятого смога. А смог, из-за того, что в этом капризном городе, уже неделю – ни ветерка.

Здесь всегда так – никогда не угадаешь погоду. Будто заколдовал её кто. Нынешний январь, был как кисель – слякотный, и гриппозно-тёплый. Зато в марте ударили такие морозы, что трещали деревья. Весь июнь ныли ветра – противные, пронизывающие, прямо ноябрьские. В начале июля зарядили ливни. Кто-то мог бы назвать их тропическими, если бы они не были такими холодными. Теперь же жажнула одуряющая жара, и этот невыносимый полный штиль...

У тротуара припарковалась серебристая «Тойота». Из неё вышли две высокие длинноногие девицы в коротких юбках, и поцокав каблучками по мостовой, скрылись за дверью заведения с надписью: «Салон Клеопатра».

Молодой человек украдкой посмотрел им вслед, закусил тонкую губу, и печально вздохнул.

«Тинкербелл! Тинкербелл!» – заверещал мобильник.

– Аллю!

– Клиф, это ты?

– Кто ж ещё?!

– Ты где?

– Иду.

– Шевелись, давай!

Молодой человек засунул мобильник в карман, но шевелиться быстрее не стал.

Молодого человека звали Клиф. То есть, конечно, не Клиф, а Кирилл. Но Кириллом молодого человека никто не называл.

Для родителей он был Кирюшей.

Для знакомых и друзей, которых у него, практически не имелось, он был Клифом.

Но молодой человек прекрасно знал, что все ровесники, за глаза кличут его только так – Ботан.

Прозвище того, кто только что позвонил по телефону, было ничем не лучше – Хмырь. Правда, при личном общении, Хмыря чаще называли – Вольт. В паспорте же его, в графе «имя» стояло respectableное – «Вольдемар».

Вольт уже почти двадцать минут сидел в углу дешёвого бара, с вкусным названием «Жаренный Гусь», досасывая вторую кружку «Балтики 7». «Жаренный Гусь» – всего лишь второсортная пивнушка на углу квартала, и никаким жареным гусем здесь отродясь не пахло. И бывал здесь Вольт вовсе не благодаря более чем демократичным ценам на пенный напиток – даже они казались для его студенческого кошелька грабительскими. А бывал он здесь из-за хорошенькой официантки Люси. Он бы и сейчас шпионски пялился на её сочную задницу. Он бы закусывал при этом, как Ботан, губу, если бы имел такую привычку. Он бы так же печально вздыхал, понимая, что никогда не наберётся смелости заговорить с ней. Но нынешним вечером с ним что-то происходило. Он не замечал сегодня ни Люси, ни её задницы, а его обычно тусклые глаза горели, словно у чёрта. Он нетерпеливо ёрзал на сидении затёртого стула. «Ботан! Где же ты, тормозила?».

Клиф и Вольт – друзья с детства. Друзья со школы. Друзья, по несчастью.

Какому идиоту пришло в голову, организовать социальные (читай бесплатные) места в элитной школе? По велению какой чёрной кармы отцу Кирилла вздумалось переехать сюда из старой дедовой квартиры с высокими потолками? Здесь стояли хрущёвки. Через дорогу – скверик. А за ним хоромы крутых и могучих. Бандитов в погонах и без, верховных чиновников, холёных банкиров, виртуозов взяток, владельцев телеканалов и прочих «хозяев заводов, газет, пароходов». Хозяев жизни. Местный аналог Рублёвки, младший её брат-близнец. И эта распроклятая школа.

Хрущёвки здесь называли коробками.

Кирилла перевели сюда учиться во втором классе.

Моббинг начался с первого дня. На перемене после математики к Кирюше подвалил жиробас, который был, к тому же, на две головы выше него.

– Привет, новенький! – толстяк смерил Кирюшу взглядом своих маленьких заплывших глазок. – Я Толик. Можно просто Комод.

Кирилл протянул руку, но толстяк своей ладони не подал.

– Какой у тебя телефон? – вдруг спросил он.

Кирюша замялся. – А у тебя какой?

– «Моторола»! – увалень запустил пятерню в карман брюк и выловил оттуда сверкающий брусочек с кнопками. – Гляди!

В те времена мобильник имелся не у каждого взрослого. Чего уж говорить о второкласснике?

– Ох, ты!.. – прошептал восхищённый мальчуган.

– Да. А ещё там двадцать игр есть! – жирдяй просиял от полученного эффекта. – А у тебя какой? Покажи.

– У меня нет телефона... – Кирюша потупил глаза.

– Так ты из этих, из коробочных? – толстяк чванливо выпятил вперёд мясистую нижнюю губу. – Как Хмырь?

– А кто такие коробочные? – Кирилл непонимающе глядел снизу-вверх на здоровущую, оттопырившую губу, физиономию. – И кто такой Хмырь?

– Коробочные, это те, что живут в коробках. А Хмырь, это такой же как ты очкарик. Вон тот, рыжий, с первой парты.

– Я вообще-то в доме живу, – не согласился Кирилл.

– Это я в доме живу, а ты живёшь в коробке, – заявил Комод на полном серьёзе.

Кирюша только пожал плечами.

– И Хмырь в коробке живёт, – продолжил жирдяй. – А сидеть ты теперь будешь с ним, на первой парте. Где лохи сидят.

– А кто такие лохи?

- Это такие, которые живут в коробках, и у которых нет телефона.
- А...
- А деньги-то у тебя есть? – не дал ему договорить толстяк.
- Деньги?.. Есть.
- Сколько?
- Десять рублей.
- Комод огляделся по сторонам. – Давай.
- Как, давай? – оторопел Кирилл.
- Просто. – Туша угрожающее двинулась на него.

«Куда ж ты забился?».

Клиф лавировал между густозаселёнными столиками в табачном мареве. В этом заведении не ставят музыки. Здешняя музыка – пьяный гвалт.

«Где ты, чёртов засранец?».

Вот и он. В углу. Рыжая щётка волос. Нос крючком. Очки-Ленноны.

Они оба с детства носили очки. У обоих была аллергия на линзы. Только у Клифа ещё и «предастма».

На столике перед Хмырём две полные кружки пива. В руках третья – почти пустая.

- Здорово, Вольт!
- Чего так долго-то?
- Не девушка. Подождёшь. – Клиф сел.
- Это тебе, – Вольт подвинул одну из полных кружек Клифу, – за мой счёт.
- С чего вдруг такая щедрость? – Клиф провёл пальцем по запотевшему стеклу.
- Пей, говорю!

Клиф сделал несколько больших и жадных глотков. Холодное пиво в такую жару (пусть даже это разбавленная «Балтика 7») – подлинное блаженство.

– Чего звал-то?

Они учились в одном универе, на одном факультете – юридическом. Но в разных потоках, разных группах. Поэтому могли не видеться неделями, несмотря на то, что жили по соседству. В «коробках».

– А того! – глаза за стёклами очков сверкнули, – тебе не надоело?

– Чего не надоело?

– Щи лаптем хлебать, говно жрать, член сосать! Нужно подчеркни.

– Да что с тобой, Вольт? Перегрелся что ли? Или надрался уже?

– Дурень, – Вольт привстал. Вольт наклонился вперёд. Вольт перегнулся через стол. Вперился взглядом в Клифа. Взглядом фанатика. Взглядом маньяка. Глаза в глаза. Очки в очки. – У нас есть шансс.. – прошипел он, будто змея.

– Какой шанс? – Клиф отпрянул, отодвинулся. – Очередная бредовая идея, о том, как всё и сразу?

– Дурень, – Вольт, опершись обеими руками о стол, продолжал нависать над Клифом. – Ты даже не можешь представить, что это. Никто не может.

– Если ты опять о биткойнах, то даже не начинай, – Клиф вместе со стулом отодвинулся от стола, и нависающего над ним Вольта.

– Дурень, – Вольт вернул зад на свой стул. – Ты забыл, кем ты был? Ты забыл, кто ты есть? Ты забыл, кем ты будешь?

– Кем я буду никто не знает.

– Да все знают! – Хмырь лупанул кулаком по столу так, что на том подлетели кружки. – Неудачник, ничтожество, чмо. Одно слово – Ботан! Был им, и останешься.

– Ты на себя-то посмотри, придурок! – огрызнулся Клиф.

– Я-то смотрю. И помню.

Клиф тоже помнил. Помнил, что всю жизнь чего-то боялся. Много чего боялся. Сильно боялся. Темноты, пауков, тараканов, врачей. Своего деда. Позже – высоты, боли, драться, соседских мальчишек. Ещё позже – девчонок, того что пошлют, того, что не сможет ответить... (Список страхов неполный: в нём не указан самый главный из них).

Помнил, как приснопамятный дед, безнадежно махал рукой, и не брезговал плевать в пол: «Не выйдет из него мужика. Бабой растёт!»

Помнил распроклятую школу.

– Деньги к деньгам, – Вольт отпил пива из непочатой кружки. – Но, во-первых, у тебя их нет. А, во-вторых, и не будет.

– Опять пророчишь, пифия?

– Здесь и к пифии не ходи. – Вольт едко прищурился. – Чтобы сделать деньги из ничего, нужна дерзость и хватка. Нужна сила. Ничего из этого у тебя нет.

– Интересная теория. Но если она верна, то тебе тоже не светит.

– А вот тут, чувак, ты прав – таким, как мы, не светит, – Вольт грустно усмехнулся. – Светит таким, как Мориарти. С рождения.

Чуть позже Кирюша узнал, что Комод – не самое большое зло в его жизни. Что есть ещё Бамбула – здоровенный амбал Серёжка Доценко (Качком он станет в классе этак восьмом). Есть Сахар, Старик, Могила... Есть патологический садист Пельмень. Есть, без раздумий пускающий в ход свой жёсткий, как бетон кулак, каратист Кастет. Но всё это сборище монстров отдыхает в сторонке, заслоненное тенью Его, самого главного кошмара Кирюшкиной и Волькиной жизни. Женьки Савицкого. Мориарти.

Этим прозвищем, из бессмертных рассказов о Шерлоке Холмсе, наградила его училка. Просто как-то сказала на уроке: «Савицкий, ты прямо, как Мориарти». Оказалось, что училка, словно в воду глядела.

В Кирюшином классе из пацанов, только двое «коробочных» – он, да Волька Черных, то есть Хмырь. Остальные – «приозёрные». Так звали тех, что из хором. Тех, кто учился в элитной школе по праву, за плату. Приозёрными их называли потому, что местная Рублёвка, та, что начиналась через дорогу от «коробок», за сквериком, оканчивалась на берегу бирюзово-зеленого озера, в которое с севера впадала речушка, с говорящим названием «Изумрудная».

Школа элитная. Мальчишки обычные. Они везде одинаковые. И если ты слабак – тебе беда.

Над двумя очкариками издевались все. Комод отбирал деньги. Пельмень выкручивал руки. Кастет отрабатывал удары. Бамбула заставлял делать за себя домашнее. Обычная практика, используемая сильными по отношению к слабым. Но Мориарти был уникален.

Он не плечист, не мускулист и не драчлив, этот Мориарти. Но он – вожак. Его бояться. Почему? Он злой гений.

Подкинуть тебе на сидение парты кулёчек с дерьмом, а после того, как ты размажешь его своей задницей, объявить всему классу о том, что ты обделался; выкрасть твою одежду, вместе с трусами и полотенцем, пока ты моешься в душе после урока физкультуры, чтобы потом, когда ты голый и мокрый крадёшься по раздевалке, внезапно открыть дверь, и выставить тебя на посмешище девчонкам; придумать тебе новую мерзкую кличку, которую тут же подхватят все те, кто тебя знает – вот лишь начало длинного списка специфических шалостей школьника Савицкого, жертвой которых мог стать каждый, кто имел глупость или несчастье в чём-то ему не угодить. С ним предпочитали не ссориться, он же любил безоговорочное подчинение, в награду за которое иногда дарил свою милость. Мориарти боялись все.

Пацаны – животные стайные. Стае нужен вожак. Стая выбрала Мориарти.
А ещё Савицкий любил праздники.

Если бы кто-то спросил Ботана, об одной из самых безобидных проделок Мориарти, то он рассказал бы о том, как тот в седьмом классе, аккуратно перед восьмым марта, заставил его написать на школьной доске аршинными буквами:

С праздником, девочки! Плюньте мне в рот. Это мой вам подарок.

Ботан, извращенец.

Если бы кто-нибудь от том же самом спросил Хмыря, то он припомнил бы новогодний утренник в третьем классе. Тогда он заставил Хмыря помочиться на его пушистый заячий костюм, после чего сделал это сам. Потом это с удовольствием сделали Комод, Сахар, Кастет... Когда же учительница и девочки спросили у зайчика, почему его шубка мокра, зайчик объяснил это тем, что по дороге в школу уронил свой костюмчик в лужу. Та зима в капризном городе тоже была тёплой и слякотной...

Ко дню рождения Ботана, Мориарти неизменно писал сказки. Мерзкие сказки, которые неизменно начинались словами:

Жили были два лузера, Хмырь и Ботан...

В этом была только половина беды. Вторая половина начиналась тогда, когда приозёрные пацаны, во главе с атаманом Савицким, рассаживались кружком. Ботан должен был выйти в центр. И прочесть эту сказку. С выражением.

Начиная с пятого класса, он просто начал прогуливать школу в день своего рождения. Но получал лишь отсрочку. Экзекуция устраивалась днём позже. Хмырю в этом смысле повезло больше – его день рождения приходился на летние каникулы.

Как мог злой мальчишка заставлять их? Что делало двух очкариков столь безропотными? Они говорили себе: «У Мориарти есть лапы Комода. У Мориарти есть кулаки Кастета. У Мориарти – мускулы Бамбулы. Приозёрных здесь много, а мы-то одни!». Но каждый очкарик чувствовал, что это враньё. Что будь Мориарти один, он всё равно делал бы это. Не потому, что он силён. Потому, что они слабы.

Услышав это имя Клиф поморщился.

– Слушай, дай закурить!

– Ты же бросил, астматик!

– Дай закурить.

Клиф затаился, выдул мутную струю вниз.

– Как Мориарти, говоришь? Светит с рождения, говоришь? Это да. Будь у нас такие отцы, как у него, нам бы тоже светило.

Папа Ботана – большой бухгалтер на маленькой консервной фабрике, по совместительству – владелец огорода под окном. Вечерами папа Ботана мелькает с лопатой на огороде. Папа Мориарти мелькает в списках российского Forbes. Папа Мориарти – маленький председатель правления большого банка, по совместительству – владелец сети супермаркетов.

Мориарти учится на экономическом. Ездит на занятия на чёрном «Гелендвагене». Ботан учится на юридическом. Ездит на занятия на красном трамвае.

Папа Хмыря – учитель физики. Мелькает между преподаванием в школе и репетиторством, по совместительству – владелец личного авто. Поэтому Хмырю повезло больше, чем Ботану – он ездит на занятия на папиной «пятёрке» 96-го года.

Почему Мориарти не грыз гранит финансовой науки где-нибудь в Оксфорде-Гарварде? Отчего он вместе с другими смертными протирал штаны в рядовом отечественном универе? Всё потому, что тревожное «как бы он не подсел там на какую дрянь без присмотра» Савиц-

кого-старшего, перевесило спесивое «мой сын должен иметь только лучшее». Скорее всего, подобные мотивы отцов всех остальных – Качка, Могилы, Сахара... явились причиной тому, что шайка в полном составе осталась в городе, и продолжала быть, тем, чем и была – стаей.

– О да! – Вольт отхлебнул пива, и опустил кружку на стол. – Только где ж нам взять таких стариков? А? Почему жизнь даёт кому-то всё и сразу, а кому-то ничего и никогда?

– Философский вопрос. И очень тупой. Пойду ещё пива принесу.

– Постой! – Вольт схватил Клифа за руку. – Почему у этого выродка – отдельная хата, Гелик, сколько угодно тёлок? Крутых тёлок, заметь. Не то что эта, – он кивнул головой в сторону, собирающей пустые кружки на соседнем столике Люси.

– Вольт, – хохотнул Клиф, – ты и её-то склеить не можешь!

– Вот и я о том же. Если б я...

– Был, как Мориарти... – продолжил за него Клиф.

– Заткнись. Жизнь проходит мимо. Мы, как два уroda. Мы на обочине. Понимаешь?

– Завёл песню. Когда-нибудь и у нас всё будет. Может быть.

– Идиот! Ты сам-то в это веришь?

– Если честно, – Клиф вздохнул, почесал за ухом. – Если честно, то не совсем.

– Первые здравые слова от тебя за сегодня.

– Слушай, Хмырь, – Клиф начал выходить из себя, – что ты мне голову морочишь?

Говори уже. Выдавай свою бредятину.

– Подожди, – он ещё сильнее сжал запястье Клифа, брови его сошлись на переносице. –

Ты всё забыл? Ты готов им простить?

– Ничего я не забыл. Отпусти руку. За пивом схожу.

– Ботан, и есть Ботан! – Вольт отшвырнул руку Клифа. – Ты ещё большее чмо, чем я думал.

– Да что ты предлагаешь?! – Клиф почти кричал. – Что мы можем сделать? В суд подать? Где доказательства, юрист хренов? Детский сад какой-то! У тебя вообще после *того* крышу снесло!

Под *того* подразумевалась история невероятная. Невероятная, если, конечно, не знать Мориарти. История гнусная. История, о которой лучше забыть.

Месяц назад Савицкий огорошил их личным звонком. (И откуда он только узнал номера?) Они-то считали, что кошмар окончен вместе со школой.

Пять лет он не напоминал о себе. Да и зачем они нужны ему? Он – плоть и кровь золотой молодёжи, хренов мажор. Они... – это они. Эти миры не пересекаются.

Если они и видали его, то либо мельком в универе, либо, когда его чёрный «Гелик» с очередной пассией рядом с водительским местом, проезжал, нет-нет, мимо окон их «коробок».

И вот, звонит. **Сам** звонит. **Он** звонит.

Случилось это месяц назад.

Он говорит голосом, которым говорят с друзьями, которых давно не видели. В его голосе радость.

Он говорит, что скоро пять лет со времени их выпускного.

Он говорит, что надо устроить вечер школьных друзей. Что сбрасываться на вечеринку не надо. Что он всё оплатит сам. Что это его подарок бывшим одноклассникам.

Он говорит, что будет рад их видеть.

Хмырь и Ботан, конечно, уроды, но не дураки, чтобы своими ногами топтать чёрту в пасть. И никуда бы они не пошли.

Но он в конце добавляет: «Да, пацаны! Чуть не забыл. Молния очень хотела вас видеть. Несколько раз напомнила, чтобы я вас позвал».

Маринка М`арина. Мара. Молния.

Кто же теперь скажет, за что она получила своё прозвище? Может быть, за быстрый бег? Не было в этой школе девчонки, которая хоть раз обогнала бы её на тридцатиметровке. Как ни пыhtели они, как ни старались, вновь и вновь, видели впереди, у финишной черты, лишь её неутомные пятки. За победу в спринте выдавали грамотку – ламинированный лист, на котором красовалась голубая зигзагообразная стрелка. Грамотку так и называли – «молния». Молний у Молнии было больше, чем у всех чемпионки школы. Вместе взятых.

Это в старших классах она стала носить обтягивающие блузы и задиристые мини, от которых спирало дыхание в пацаньих лёгких, а лет до тринадцати она никогда не изменяла курточкам. Красным курточкам. И под цвет курточкам был у неё рюкзачок, на котором красовалась нереально огромная, золотого, под стать её волосам цвета, застёжка-молния.

Или прозвали её так из-за огромных голубых глаз? (Если грозное облако несёт в себе град, то вспышка молнии – голубого цвета). К тому же глаза её имели необыкновенное свойство – они будто бы загорались, на миг вспыхивали синим огнём, когда Мара собиралась рассердиться, или сказать что-то очень смешное, или если кто-то ей сильно понравился... Вспышку, вызванную последней причиной, видали немногие. И уж точно никто из мальчишек Ботанова класса.

Есть девочки – гадкие лягушки, вдруг превращающиеся к семнадцати годам в прекрасных лебедушек. Бывают девочки – милейшие принцесски, вырастающие в троллих... Самые везучие – очаровашки-куколки, незаметно становящиеся королевами. Молния – из последних. Молния всегда была Молнией.

Комод носил её рюкзак. Качок с Кастетом месили каждого чужака, который имел неосторожность задержать на ней взгляд. Сахар работал её личным психологом. Могила, под конец школы, начал исправно снабжать её элитной косметикой. Даже Хмырю милостиво позволялось делать за неё домашнее по физике с математикой. Всем милостиво позволялось что-нибудь делать для Мары, и все считали оное дозволение за великую честь.

Девчонка рано узнала себе цену, и содержала отряд пажей. Разделяла и властвовала. Все имели мечту о Молнии. Молния имела всех. Даже Мориарти.

В чём нельзя было отказать Савицкому, так это в том, что он добивался чего хотел. Всегда. Но не с Молнией.

С ней у великого и ужасного ничего не вышло. Ни в школе, ни после.

И вот, представь, что такая девчонка, вдруг вспоминает о тебе через пять лет после окончания школы, и говорит, что желает тебя видеть. Особенно, если уверен, что ты – урод.

И тогда, даже такие два маленьких труса, как Хмырь и Ботан, решили рискнуть. Они явились на ту вечеринку.

– Крышу говоришь снесло? – Вольт зло усмехнулся. – Да, нет. Похоже, наоборот, вернуло на место.

– Ну же! Начнёшь ты или нет?

Всё складывалось на удивление хорошо. Так хорошо, что не верилось.

Мориарти арендовал особняк на окраине. Заброшенный сад, разрезаемый надвое неширокой аллеюкой, ведущей к дому, походил в свете сумерек на заколдованный лес из недоброй сказки братьев Гримм. Сам дом, двухэтажный, добротный, с отреставрированным на современный лад фасадом, горел всеми окнами и грохотал музыкой. Дом не вязался с садом, как не вяжутся друг с другом валенки и костюм-тройка.

Все проклятия Вольтовой и Ботановой жизни были тут. Мориарти, Кастет, Могила, Комод. Ещё Качок, Пельмень, Сахар... Все призраки прошлого здесь.

И девчонки здесь. Почти все. Кроме тех, кто учится в Лондоне, и кого не отпустили мужа.

Великий и ужасный постарался на славу. Дорогой алкоголь, травка, жратва из французского ресторана, три официантки в передничках, даже бармен за стойкой в галстук-бабочке, даже ди-джей с кургузой бородкой у пульта...

Сам Главный Кошмар – не кошмар, а само обаяние. Монстры стаи – не монстры. Теперь они, вроде как бы друзья. Жмут руки и лезут с объятиями. Быть может, и вправду всё в прошлом? Дети злы. Подростки жестоки. А кто помянет старое – тому и глаз вон.

Это присказка. А теперь – королевский сюрприз.

Мориарти вдруг заговорчески прищурился и глянул сначала на одного очкарика, потом на другого... – У меня есть ещё кое-что для вас, друзья мои.

Ботан с Хмырём напряглись. Рядом с этим дьяволом всегда опасно.

– Вы слышали о биткойнах, ребята?

– Обижаешь, Женя. Кто же о них не слышал? – робко ответил Ботан.

– Да-да, много кто прочухал, да мало кто понимает, – Мориарти сверкнул белозубой улыбкой. – Вот говорят, например, что биткойны означают кирдык банкам. Бред собачий. Но если кто-то толкует о революции в финансовой системе, то он уже ближе к истине. Только это будет не революция, это будет больше, чем революция. Это будет совсем другой мир, пацаны! И тот, кто именно сейчас возьмёт сей процесс за горло, тот и будет править этим миром. Промедление смерти подобно! – он сделал многозначительную паузу, явно наслаждаясь недоумением своих визави.

– Вы хотите сказать мне сейчас: «Мориарти! Помилуй, но какое это имеет отношение к нам?» А я вам отвечу: «Самое прямое, друзья мои!»

Он подманил их вплотную к себе, и голосом, снизившимся почти до шёпота, продолжил, – Я держу руку на рычаге. Я готов его сдвинуть, и я сделаю это, но... мне нужны доверенные люди. Дело мыслится грандиозное – даже моему старику не по зубам. Вы у нас юристы будущие, год до окончания остался, так? Опыта, конечно, у вас ни хрена, да и ладно. Зато я вас знаю, как облупленных. Вы башковитые – освоитесь. Свои люди нужны мне – вот? что главное! Короче, я хочу взять вас в дело. И мы купим весь этот грёбанный мир вместе со всеми его потрохами! Что скажете, а?

Но сказать они ничего не успели.

Сердце Ботана запрыгало мышью на сковородке. Выпорхнув откуда-то сбоку, из какой-то тайной комнаты этого дома, сверкающая, яркая, сногшибательная, играя упругостью ягодич, идеально обтянутых небесно-голубыми джинсами, насмерть соблазняя изгибом оголённой бронзовокожей талии, подчёркнутой дерзким топилом цвета ночи, несущая золото волос на гордо поднятой голове, разворачивающая, словно магнит, все мужские головы в свою сторону, в залу влетала мечта.

– Смотри, Молния! – Хмырь ткнул Ботана локтем в бок.

– Сам вижу.

– Позже договорим, – бросил Мориарти, и поднялся навстречу.

– Начать, говоришь? – Вольт залпом осушил почти полную кружку пива. – Сходи-ка сначала за пивасом. И мне принеси.

– Да пошёл ты! – Клиф нехотя поднялся и пошёл в сторону разливочных кранов.

Когда он вернулся, и поставил кружки на стол, Вольт уставился на одну из них. Уставился на тающую с шипением пену. Уставился, будто загнипнотизированный.

– Эй! Ты что, в транс впал? Давай уже, рассказывай.

– Вот ты говоришь: заяву накатать, в суд подать... – начал он, не отрывая остекленевшего взгляда от своей кружки.

– Я так не говорю. Я как раз говорю, что бесполезно всё это. Во-первых, нет свидетелей, а эти две проститутки ничего никому не скажут. Боятся. И купил он их. Во-вторых, у него видеозапись. Забыл? Там нет ничьих лиц, только наши. А голоса можно изменить. Хочешь, чтобы видео стало гулять по сети? Он это устроит, если мы рыпнемся. В-третьих, его папаша, вытащит свою гниду из любой жопы. Никакой УК не поможет. В-четвёртых...

– Как ты меня задолбал, – устало произнёс Вольт, продолжая гипнотизировать пену. – Мелочь ты, Клиф. И мыслишь ты соответственно. Дёшево мыслишь. Ты помнишь, что я тебе тогда сказал?

– Когда?

– Когда мы уходили оттуда, – взгляд его, наконец, оторвался от кружки, и стрельнул в глаза Клифа. Взгляд был заряжен злобой.

Начались танцы. Кавалеры приглашают дам.

Ботан не танцует. Он никогда не танцевал. Хмырь тоже не танцует. Сидит рядышком, глазееет на баб, переключился с Хеннеси на текилу.

Чужой праздник жизни продолжается долго. Кавалеры меняют партнёров. Молния танцует с Кастетом, теперь с Сахаром... Но алкоголь делает своё дело, а он своё дело знает. Вот уже и не страшно, и даже почти не грустно. И, может быть, удастся поговорить с Молнией. Стая? Да чёрт с ней, с этой стаей. Стая ведёт себя мирно. Долой паранойю!

Мориарти вырós перед ними, как будто из-под земли.

– Пацаны! Готовы? Идёмте наверх, обсудим детали.

Комната на втором этаже казалась большой. Возможно, из-за отсутствия мебели. Лишь два глубоких кресла у стены, да журнальный столик меж ними. Мориарти прикрыл за собою дверь. Шумоизоляция здесь отличная. Музыки, от которой всё содрогалось внизу, здесь не слышать.

– Садитесь, друзья мои! – Савицкий указал руками на кресла.

Захмелевшие и осмелевшие Хмырь и Ботан, не просто уселись, они позволили себе откинуться на спинки, прямо-таки развалиться. (Будь они трезвы, сидели бы сейчас на краешках). Мориарти стоял посередине, на равном расстоянии от каждого. Он сложил руки в замок, картинно прочистил горло, и начал.

– Буду краток. Открываю биржу крипто валют. Отец выступает спонсором. Всё серьёзно. Набираю штат. Нужна юрподдержка. Начинаем работу через два месяца. Ваши стартовые оклады – двести тысяч рублей за месяц. По мере развития бизнеса, будут регулярно повышаться. Устраивает?

Хмырь закашлялся. – Двести тысяч рублей в месяц? Женя, я не ослышался?

– Ты не ослышался, Вольдемар. – Савицкий был очень серьёзен.

– Блин. Офигеть... Я в шоке... – забормотал, не верящий свалившемуся на его голову счастьем Хмырь.

Ботан молчал.

– Не слышу ответа, – Мориарти продолжал стоять посередине комнаты, словно вкопанный.

– Да. Да. Конечно, да! – Хмырь вытянулся в струну, подался вперёд.

– Кирилл? – Савицкий упёрся испытующим взглядом прямо в глаза Ботану.

– Да... – тихо ответил он.

– Не слышу уверенности в голосе. Так да, или нет?

– Да, Женя. Устраивает.

– Точно?

– Конечно, точно.

Савицкий разжал свой замок, удовлетворённо потёр ладони, и засиял гордой улыбкой. Он походил сейчас на менеджера по персоналу, только что заполучившим в свою компанию двух ценнейших сотрудников. – Ну вот, и чудненько! В понедельник явитесь ко мне в офис. Подпишем договора. Получите аванс.

– Ох, ты!.. – не сдержал восторженного удивления Хмырь.

– Да, пацаны, да! Двести тысяч в месяц – это только старт. А потом!.. Только представьте. Ты Клиф, скоро перестанешь ездить в трамваях. У тебя будет тачка. Своя тачка. Крутая. И ты, Вольт, сменишь свой позорный жигуль на стоящий аппарат. Приоденетесь. Сможете съездить в Таиланд. Был ли кто-нибудь из вас там? Нет? Только тёлочка с трансами там не перепутайте с непривычки, – Савицкий хохотнул. Да что там Таиланд! Мальдивы, Европа, Штаты! Весь мир у ваших ног. Представляете, а? Всё, пацаны, кончилась ваша старая жизнь!

Он подождал, пока ботаники переварят сказанное. Решив, что сей процесс завершён, вдруг развернулся на лабутеновых каблуках, и неспешно, с достоинством пошагал к двери. Подойдя, взялся за ручку, и тут остановился, будто бы вспомнил чего-то.

– Да, друзья мои. Чуть было не упустил. – Он повернулся к ним лицом. – Есть одно маленькое условие. – Савицкий выдержал длинную паузу. – Я хочу попросить вас об одном одолжении. Покорнейше попросить. Вы мне не откажете? Обещайте, что не откажете.

– Конечно, Женя. Не вопрос. – Хмырь заёрзал на кресле. – Что от нас требуется?

Мориарти, также неторопливо, размеренным шагом возвращался от двери к тому месту, на котором он только что стоял, расписывая коробочным скорые прелести их будущего существования.

– Что от вас требуется? Да самая малость. Сущая безделица, – лицо Савицкого вновь стало серьёзным. – Мне нужно, чтобы вы сейчас, не вставая с этих мест, разыграли маленькую интермедию. – Он говорил это чётко отделяя одну фразу от другой. – Вам знакомо это слово?

Ботан с Хмырём поглядели друг на друга, потом снова на Мориарти.

– Надеюсь, что знакомо, – продолжал тот. – Я же сниму ваш мини спектакль на телефон. Вам ясна суть моей просьбы?

– Что за спектакль, Женя? Я... я не понимаю, – заморгал глазами Ботан.

– Сейчас вы получите текст. Каждый свой. – Он вытянул из верхнего кармашка сорочки два аккуратно сложенных вчетверо листка бумаги. Один протянул Ботану, другой подал Хмырю. – Ознакомьтесь с текстом. Даю пять минут на то, чтобы вы его подучили. Не обязательно учить наизусть. Главное, чтобы в своём диалоге вы придерживались духа, но не буквы. Ну. Читаем.

Будущие богачи развернули листки.

– Вслух читаем, – в голосе Мориарти послышались нотки приказа. – Клиф, ты начинаешь. Ботан прочёл первую фразу. С недоумением посмотрел на Мориарти.

– Я сказал вслух. Давай же, не тормози. Ну! – казалось великий и ужасный начинал терять терпение.

– Слышь, Вольт. Да эта твоя Молния – шалава из шалав, понял? – Выдавил Ботан из себя.

– Молодец, Клиф! Хороший мальчик! – Мориарти плотоядно оскалился. – Теперь ты, Вольт.

– И чего ж это она шалава? – прочитал Хмырь со своего листка.

– Теперь ты, Клиф, – приказал Савицкий, – читай следующую реплику.

– Да шалава, и всё тут. – На лбу Ботана выступил пот. Он снял очки и поднял глаза на Мориарти. – Женя! Что это? Зачем это?

– Потом объясню. А сейчас надевай телескопы, и вперёд. Вольт! Твоя реплика.

– За такие слова, вообще-то отвечать надо, – прочёл Хмырь.

– А и отвечу, – прочёл Ботан.

– Ну! Чего замолчали? Мне всё время вас подгонять? – носок шипастого туфля Мориарти постукивал по полу.

– Есть у Мары чувачок один. Ты, наверное, видел – он на красном Бугатти ездит, с чёрной мордой, – продолжил Ботан.

– Кто с чёрной мордой? Чувачок? – считал со своего листка Хмырь.

– Да не чувачок, тачка его – Бугатти, красная, с чёрным капотом. Короче, это давнишний ухажёр её. Он уже пару лет с ней амуры крутит. Да видел ты. Когда к ней намыливается, мимо твоих окон же проезжает. – Ботан чувствовал, как его футболка пропитывается липким, как мокрота, потом.

– И? – тон Хмыря начал выдавать интерес.

– Был я в «Зебре».

– И что ты там делал?

– Неважно. Иду мимо ресторана – не помню, как называется. Что-то типа «Австралийские Стейки». Там стёкла прозрачные. Глянул, и вижу – Молния сидит, с каким-то мужиком усатым, лет под сорок. А тип этот лапой талию её обхватил, да что-то шепчет на ушко.

– Эге! Так, может, ты обознался?

– Да я и сам так подумал. Специально вернулся. Рассмотрел. Она!

– И ты, п...страдалец, её сразу в шалавы записал? Ну, встречается тёлка с двумя мужиками, и что?

– А вот что. Пару недель назад мимо скверика нашего проходил. Глядь, а там Марашмара, на скамейке с каким-то хачом обжимается. А хачь крут! Костюм с иголочки. Такой, наверное, не одну штуку баксов стоит...

– Да хоть бы и так. Ну крутит баба, даже с тремя мужиками. Тебе-то какое дело?

– Ты ещё не знаешь всего, умник.

– И чего же я не знаю?

– Расскажу. Да ты, не поверишь.

– Так давай!

– Через пару дней встречаю я этого хача в скверике нашем. Он мне: эй, брат! Разговор есть. Ты, говорит, знаком с Мариной. Ты как-то мимо проходил, и она мне рассказала, что в одном классе вы учились. Живёшь ты где-то здесь, рядом. Так что, наверное, в курсах, что и как. Короче, говорит, брат, дело к тебе у меня. Подозреваю, что у Маринки ещё кто-то есть. Ты не видал, не ездит ли козёл какой-нибудь к ней? Я ему в ответ: нет, мол не видал, ничего не знаю. А он мне: брат, а ты понаблюдай, не обижу. Вот задаток. И сотню зелёных мне суёт.

Хмырь вздёрнул глаза на Мориарти. – Жень, здесь как-то неправдоподобно. С какой стати Молния начнёт своему хачу, про Клифа рассказывать? Кто он такой для неё?

– О критике тебя никто не просил, – осадил его гений. – Продолжай!

– Взял? – покорился Хмырь.

– Не хотел. Но он всё равно впихнул.

– Так-так. Уже интересно. А дальше что?

– Дальше, – Ботан дрожащими руками перевернул свой лист, – встретился я с Молнией. В том же скверике её подловил. И рассказал ей – и про Хача, и про усача.

– А она что?

– Задёргалась Марочка. Говорит, молодец, что хачу не сдал.

– И всё?

– Не всё. Сказала, я тебе больше заплачу, только не выдай меня Муртазу.

– А дальше?

– А дальше, ты не поверишь.

– И всё же.

– Я ей сказал, что мзду не беру.

– Вот это на тебя не похоже.

– Это на тебя не похоже. И знаешь, что Мара на это ответила?

– Послала тебя ко всем херам!

– В её положении не слишком-то и пошлешь. А сказала она мне вот что: от той мзды, которую я предложу, ты не откажешься. Хочешь, натурой расплачусь? И глазки так кокетливо вбок.

– Врёшь!

– Я же говорил, что ты не поверишь. А я, за что купил, за то и продаю.

– И что? Воспользовался?

– Представь себе, да! Поимел Молнию во все дырки. Выла так, как в порнухе не воют. Класная тёлка! Отпад!

На этом текст обрывался.

Ботан мокрый, как курица, обданная из шланга, выставился на Савицкого. Тот стоял широко расставив ноги и сложив руки на груди. На лице довольная ухмылка. Она выражает не только радость – в ней куда больше презрения. Слишком хорошо выучил Ботан за восемь лет знакомства с жестоким маэстро, что предвещает эта ухмылка.

– Считаю это тестом на профпригодность, Кирюша.

– Жень. А без него никак? – Ботана мелко трясло.

– Никак, мой дорогой.

– Но...

– Долго рассусоливаем. Время – деньги. И гости ждут.

– Жень, но...

– Так! – Мориарти топнул носком. – Вы сейчас воспроизводите диалог, но уже без бумажек. Причём, делаете это естественно, натурально. Хочу верить, что вы неплохие актёры. Я записываю видео на телефон. Тест пройден. Вы в штате. Мы спускаемся вниз, продолжаем веселье. Всё ясно? Готовы? – он вынул телефон из кармана, и включил на нём режим камеры. – Надеюсь получится с первого дубля. Итак, погнались!

– Жень, я... я не стану... – Ботан стал бел, как мрамор на полу.

– Чего? – Мориарти опешил.

– Я не стану, – повторил Ботан.

– Хорошо подумал?

– Я не стану.

– Ты отказываешься от работы, которая сделает из тебя человека?

– Я не стану.

– Хорошо. – Мориарти принялся расхаживать перед ними, то влево, то вправо, будто бы размышляя. Внезапно остановился перед Хмырём. – А ты что скажешь, Вольдемар? Тоже не станешь?

– Это... Я, в принципе, не против... – он виновато покосился в сторону Ботана.

– Тогда убеди своего друга. Немедленно. Это твой тест на профпригодность, Вольт.

– Э... Клиф... – неуверенно начал Хмырь, – ты знаешь, это ведь – шоковое интервью. Слышал? Так делают при приёме на работу. Я правильно, говорю, Жень? – он с мольбой поглядел на Мориарти.

– Конечно, правильно! – изображая картинную радость, согласился тот голосом, ставшим высоким до писка.

– Вот видишь, – кивнул Хмырь Ботану, – это всего лишь тест на исполнительность, на верность компании, – он опять поглядел на Савицкого, ища подтверждения.

– Естественно! – согласился маэстро.

– Ну, давай, Клиф. Чего тебе стоит? – теперь молящий взор был устремлён на Ботана.

Тот сидел на самом краешке кресла сжавшись в таящий снежок, такой же холодный и мокрый. – Я не стану.

Мориарти развёл руки в стороны. – Ну, господа, вы не только ничтожества, вы ещё и тупицы! Ладненько. Не хотите по-хорошему – будем, как всегда.

Манерным, танцующим шагом он подошёл к двери. Взялся за ручку.

– Эйн! Цвей! Дрей!

Дверь распахнулась.

За дверью стояла гибель.

Как легко спутать интуицию и паранойю! Никогда не знаешь точно кто же нащёптывает тебе «не делай этого», «не ходи туда», «не доверяй ему», «не полагайся на неё» ... Кто говорит с тобой? Мудрый предупреждающий голос или его Величество бред?

В комнату вваливается толпа. Вся стая в сборе. Комод потирает лапы. Качок подмигивает. Кастет разминает запястья.

– Серж, ты был прав, – Мориарти говорит это, глядя на Сахара, – Ботан заартачился. Очко в твою пользу. – Так что будем делать, Кирюша? – он повернулся к Ботану. – Тебе десять секунд на размышление, кретин.

В это мгновение Кирилл испытал дежавю. Словно всё это уже было, словно всё это так же, как в той идиотской галлюцинации. Словно он снова стоит перед умершим дедом и слышит его сиплое бульканье: «Ты не человек. Ты жалкая курица. Лучше бы ты вообще не родился!».

– Я не стану...

– Ну, тонкогубый, пеняй на себя. Серёга! Толик! Преподайте Кирюше урок. Только без членовредительства. На этом гнилом тельце не должно остаться следов. – Мориарти щёлкнул пальцами.

Комод и Качок, с предвкушающе-злорадными улыбками на физиях, будто два циклопа, нависли над съёжившейся на краешке кресла жертве. Они подхватили её с двух сторон под мышки. Легко, как пушинку, как куклёрка, подняли над креслом, над полом, и отнесли на центр комнаты, туда, где секунду назад стоял Мориарти.

– Ну ты попал, Ботан. – сказал ему прямо в ухо Комод.

– Хона тебе, – подтвердил в другое ухо Качок.

Они подбросили его вверх и отпустили. Ему удалось приземлиться на ноги, и даже удержаться на них. Но тут же Ботан получил удар в живот, который согнул его в три погибели – к делу подключился Кастет. Качок пнул сзади. Ботан оказался на четвереньках.

– Тебе хватило, чтобы одуматься, засранец? – Мориарти стоял подле, в своей излюбленной позе, с руками, сложенными на груди. – К спектаклю готов? Включаем мотор?

– Я не стану, – прохрипел Клиф.

– Продолжаем, – сказал Мориарти тихим, спокойным голосом.

Качок, находящийся позади, стоящего на карачках Ботана, взял его левую руку в залом, – Не дёргайся, сучка!

Расположившийся спереди Комод, наступил каблуком своего великанского башмачищи, на Ботанову кисть, которой тот опирался об пол. Наступил, и начал давить.

Комод давил, Качок ломал. Ботан заорал так, что Мориарти заткнул уши пальцами. – Достаточно! – взмахнул он рукой. – А теперь, что мы скажем, Кирюша?

– Я не стану...

Мориарти вздохнул. – Слушайте, снимите с него очки. Разобьются ещё. Ни к чему имущество Кирюшино портить. Пробуем по новой. Начали!

Пытка повторилась. Повторилась с тем же результатом.

– Эх, Ботан, Ботан! – изувер в лабутенах досадливо покачал головой. – Мог бы отделаться малой кровью, а так... Эй, как вас там? Люба! Вика! Я ничего не перепутал? – Только сейчас Клиф заметил, что в комнате, не только члены стаи – в комнате ещё двое. Двое девчонок.

Незнакомых девчонок на высоченных шпильках и платьицах «под лобок». Стоят прижавшись к стенке. Испуганно таращат глаза.

– Милые дамы, – продолжил мучитель, – не забыли ли вы, что вам уплачена двойная цена, за то, что вы будете приглашены присутствовать при одной пикантной сцене, и окажете мне некую необременительную помощь, о чём будете потом держать свои прекрасные ротки на замочке, во избежание не самых приятных для вас последствий? Вы согласились. И, заметьте, никто вас к этому не принуждал. Так? – Мориарти цокнул языком, поправил перстень на пальце, – Поэтому, Вика! Да-да, на мой взгляд вы больше подходите для данной роли, подойдите ко мне, пожалуйста.

Девчонка несмелыми шагами приблизилась к жутковато чудящему клиенту.

– Ну-ну, Вика! Не бойтесь. Я не кусаюсь. Просто хочу объяснить, что от вас требуется. Всё элементарно. Вы поднимаете платьице. Опускаете... Нет. Снимаете трусики. Кстати, Вика, на вас надеты трусики?

– Да... – ответила пребывающая в полнейшем замешательстве девица.

– Жаль. Мне бы больше понравилось, если бы на вас их не было. Так вот. Снимаете трусики, и мочитесь на голову вон тому джентльмену, – он ткнул рукой в направлении, стоящего на коленях, с заломанной за спиной рукой Ботана, – с которым мы весело играем. Вы мочитесь – я снимаю. – Он опять вынул свой телефон. – Не беспокойтесь. Я буду снимать так, что лицо ваше в кадр не попадёт. Для меня главное, чтобы туда попало другое лицо – лицо джентльмена, на которого вы будете мочиться, Вика.

– Мы так не договаривались. Я этим не занимаюсь, – похоже, девица начала оправляться от шока.

Мориарти лишь улыбнулся в ответ. Достал из кармана бумажник. Вынул сотенную долларовую купюру, зажал её между двух пальцев, и поднёс её прямо к лицу девицы. – А так, Вика, мы договоримся?

– Не договоримся. – Девчонка мотнула головой.

Мориарти извлёк вторую купюру такого же достоинства. – А так?

Девчонка молчала.

Савицкий достал третью купюру. – А так?

– Я сделаю, – раздался женский голос с другой стороны комнаты.

– Великолечно, Люба!

Работница коммерческого секса, расставив длинные ноги расположилась над головой Клифа. Савицкий командовал: «Комод, отойди. В кадр не лезь. Серёга, сдай назад – руку видно».

– Жека, стой! – вдруг подал голос Сахар. – А вдруг он, того, извращенец. И это ему даже понравится.

– Извращенец, говоришь? – Мориарти опустил телефон. – Это мы сейчас проверим. Эй, Ботан! Так ты будешь роль исполнять, или золотого дождя желаешь?

Клиф молчал.

– Хе-хе! Похоже, что извращенец, – усмехнулся Савицкий. – Люба, отбой!

Девица опустила платье и отступила к стене.

– Может он и извращенец, но не голубой. – Произнёс Мориарти задумчиво. – А ну, Толян, давай-ка, встань сзади засранца.

Комод повиновался.

– А теперь расстёгивай штаны!

– Чьи? – не понял Комод.

– Сначала, засранца.

– А потом?

– Потом свои.

– Я чего-то не врубился, Жека. Ты что, хочешь, чтобы я... – Комод начал допираться до того, что задумал предводитель.

– Ты очень догадлив, Толик.

– Эй, Мориарти! Я не педик! – возмутился жирдяй.

– Толян, расслабься. Педик – не тот, кто, а тот, кого. – Это Могила пришёл на помощь своему вожаку.

– Да? – Простоватый толстяк недоверчиво покосился на Могильного.

– Правильно он тебе сказал, – подтвердил Качок, продолжающий фиксировать в заломе руку Ботана, – Не веришь, у моего пахана спроси. Он по малолетке зону топтал – знает.

Жирняк облегчённо вздохнул. – Ладно. Но, это... как же я? У меня ж не встанет!

Все дружно захохотали, даже девчонки у стены. Не смешно было лишь Хмырю, если не говорить о Ботане.

– Ну, Толян, не бойсь. Эту проблему мы решим, – весело заявил вожак. – Вика сейчас снимет платище, снимет трусики, и начнёт крутить задницей прямо перед твоим носом. Это тебя возбудит?

Комод смерил взглядом девицу. – Пойдёт.

– Так, Вика, готовься. – Мориарти, недобро прищурившись, поглядел на девчонку. – Или этим ты тоже не занимаешься? И оплату отрабатывать не собираешься? – он просто протыкал её взглядом. – Давай сюда! На точку! – рывкнул он, и указал на место перед стоящим на четвереньках Ботаном.

Та, что называлась Викторией, нехотя подчинилась.

– Что скажешь, Толян? – спросил Мориарти.

– Нормально. Встаёт, – ответил толстяк, облизнув губы.

– Эй, Ботан! Сейчас ты станешь девочкой, а я запечатаю это событие на видео, – Савицкий в третий раз включил камеру на айфоне. – Давай, Комод, стягивай с него штаны, заголяй задницу!

Туша склонилась над Клифом, медвежьи лапы грубо расстегнули ремень, едва не порвали ширинку, потянули штаны вниз, к полу. Нагая девица извивалась змеёй, демонстрируя все свои прелести. Мориарти наводил камеру.

– Стой, Комод! Стой! – вдруг закричал Ботан. – Мориарти! Я согласен!

– Ну, слава тебе, господи! – выдохнул Савицкий, опуская телефон.

Мориарти распорядился, чтобы перед началом съёмки «актёрам» дали виски. Снимали в несколько «дублей» – режиссёр Савицкий добивался «натуральности и естественности», что трудно было ожидать от морально раздавленных и насмерть перепуганных лицедеёв. Наконец, он вынес вердикт: «Сойдёт!», и стая разродилась аплодисментами.

Мориарти, дурачась раскланялся. И тут взгляд его упал на девок, скучающих у той же стены. Он поглядел на них, потом на Хмыря, сидящего в кресле, опустив голову и сжавши её руками.

– Слышь, Хмырь! Ты извращенец?

– Кто? Я? – он поднял голову. – Нет.

– Очень жаль.

– Почему, жаль? – испуганно спросил Хмырь.

– Видишь ли, мой дорогой, Любе уже заплачено за услугу «золотой дождь». Ей надо отработать. Был бы извращенцем – получил удовольствие.

– Женя... Женя! – задрожал Хмырь. – Как же так? Я же не отказывался. За что?

– А мне плевать, что ты не отказывался, – на устах Мориарти кривилась улыбка пренебрежения, – девочке надо отработать.

– Женя! Не надо... Пожалуйста, не надо! – жалобно взмолился, понадеявшийся было, что кошмар окончен, Хмырь.

– Не блей! На точку! – Савицкий показал на то место, где двадцатью минутами назад подвергался глумлению Ботан. – Сам пойдёшь, или тебе помочь?

Хмырь тяжело поднялся и понуро побрёл на свой эшафот.

– На колени! – приказал палач. – На карачки становись, урод!

Хмырь опустил на пол, и зарыдал.

– Женя, пожалуйста... Ну, не надо, Женя... Ну, пожалуйста...

Мориарти встал перед ним. – Не хочешь золотого дождя? Не уважаешь золотой дождь? – спросил он с фальшивым сочувствием.

Всхлипывающий, вздрагивающий от рыданий Хмырь, судорожно покачал головой.

– Бедня-я-яжечка, – печально-сладеньким голоском пропел Мориарти. – Хорошо. Я избавлю тебя от этого удовольствия. – По измученному лицу Вольдемара пробежала тень надежды. – Но только, в том случае, если... – он замолчал и испытующе посмотрел на несчастного. – Знаешь, Хмырь, что-то туфельки мои запылились. Почисти. Языком.

Вольт застонал, плечи его вновь затряслись от плача, – Ну, Женя... Ну, что я тебе сделал?

– Не хочешь? Тогда будет тебе и золотой дождь, и то, чего удалось избежать твоему дружку. Комод! Скидай штаны!

С этими словами он выставил ногу вперёд, так что его туфель оказался почти у колен Хмыря. Тот склонился до самого пола, и всхлипывая, принялся вылизывать покрытый шипами носок.

– Сахар, снимай! – отдал распоряжение маэстро кошмаров. – Давай, давай, Хмырёк, хорошо старайся, работай на совесть! Молодец! Теперь подошву. Не чванься! Качественней вылизывай! Хорошо. Теперь другой туфель...

По окончании экзекуции, Мориарти поднял за подбородок его перемазанное лицо. – Испачкался, мальчик! Помыть тебя надо. Люба! За работу! Сахар! Снимай!

После того, как всё это, в самом деле, закончилось, режиссёр беспредела отдал последние распоряжения. – Все вниз, к девчонкам. Качок! Веди мерзавцев в ванную. Пусть помоются хорошо. Особенно, Хмырь, чтоб не воняло. Бошки пусть феном высушат. Заставь их вискаря ещё выпить, чтобы в себя пришли. Пятнадцать минут на все процедуры, и тащи их вниз. Вперёд!

Как только Качок привёл двух, на скорую руку приведённых в порядок горемык в зал, Мориарти распорядился остановить музыку.

– Дамы и господа! Братья и сёстры! Уважаемые однокашники! Следующим номером нашей программы – классное собрание! – громко возвестил устроитель банкета. – Обслуживающий персонал, я прошу временно покинуть помещение.

Мориарти дождался пока три официантки, важный бармен и ди-джей с кургузой бородкой уйдут на веранду и кухню.

– Девушки из агентства! Вас это тоже касается.

Когда в зале остались лишь представители бывшего «А» класса, господин Савицкий-младший объявил собрание открытым.

– На повестке дня, друзья и подруги, всего лишь один вопрос. Разбор поведения двух наших товарищей – Кирилла Пыльников и Вольдемара Черных.

Мориарти встал у стены, на которой висел невероятных размеров домашний кинотеатр. Подсоединил к нему свой мобильный, немного повозился с настройками, и вновь развернулся лицом к заинтригованной аудитории.

– Кирилл! Вольдемар! Прошу вас сюда, к доске. – Мориарти постучал пальцами по экрану телевизора.

Качок придал им ускорение, незаметно подтолкнув в спины. Они встали у стены, по правую руку от председателя.

– Господа, – продолжил Мориарти, – сначала я хотел бы продемонстрировать вам случайно попавший мне в руки небольшой, но весьма интересный видеоролик. После чего, мы начнём обсуждение.

На большом экране появились Хмырь и Ботан, сидящие в глубоких, презентабельных креслах.

«Слышь, Вольт! Да эта твоя Молния – шалава из шалав, понял?..»

У кого-то из бывших школьников вырвался вздох возмущения, кто-то недоумённо хлопал ресницами, кто-то из них захихикал, кто-то глядел с непонятно кому адресованным отвращением... Полные красивые губы Молнии превратились в ниточку, они стали похожими на губы Ботана, руки мёртвым узлом сплелись на груди. Она поднялась с софы и решительным шагом вышла вперёд.

«Мне плевать, что обо мне подумают», – сказала она ледяным тоном, не сводя горящего гневом взгляда с Мориарти.

– Мариночка, – Савицкий раскрыл ладони, – в этой комнате нет ни одного человека, который бы даже на миг мог подумать, что в том, что мы слышали сейчас от Пыльниковой, есть хоть слово правды. Этот ролик говорит, не о тебе Мара, а лишь о моральных качествах некоторых из наших товарищей.

– Не делай из меня дуру, Савицкий! – она продолжала убивать его взглядом, – это ты их заставил.

– Да ну! – брови Мориарти взлетели вверх. – Кирилл! Вольдемар! Принуждал ли я вас к чему-нибудь?

Оба отрицательно покачали головами.

– Вот видишь!

– Не делай из меня идиотку, Савицкий. Ты их запугал. Ты их заставил, мразь!

– Но-но-но, Мариночка, – Мориарти погрозил пальцем, – давай-ка обойдёмся без оскорблений. Мы же культурные люди! Вот ты говоришь, запугал, – он сложил руки на груди, как будто копируя позу Молнии. – А хоть бы и так! Но ты попробуй, запугай меня! Как думаешь, выйдет ли что из этого?

– К чему ты клонишь, Савицкий?

– Я тебе напомним кое о чём, Марина. – он начал расхаживать перед экраном взад и вперёд, периодически останавливаясь и бросая на Мару пристальные взгляды своих колючих глаз. – Не далее, как две недели назад мы имели с тобой случайную встречу, в том самом скверике у бывшего парка. И так как неслучайных встреч между нами не бывает, я решил исправить это недоразумение. Я имел честь тогда, пригласить тебя не на свидание, нет! Просто на дружескую встречу наедине. И что же ты мне ответила?

– Попросила тебя расслабиться.

– Вот именно! И я спросил тебя: почему? Помнишь, что ты ответила мне?

– Не помню.

– А я помню. Ты сказала мне, что у меня нет души.

– Я тебе это и сейчас скажу. С ещё большим основанием.

– А что было потом, помнишь?

– Савицкий! Не разводи демагогию. Говори напрямую.

– Как раз в то время, когда мы с тобой беседовали, как раз в тот момент, когда ты сказала мне о душе, там, в стороне, мимо нас проходили эти два господина, – он показал на Хмыря и Ботана. – И я спросил тебя: значит, у меня души нет, а у них есть? И ты ответила: у них –

есть. И спросила меня, за что я так презираю их, за то, что они из бедных? Ты помнишь, что я тебе ответил на это?

– Не помню, и помнить не хочу.

– Я ответил тебе, что презирал и презираю их не за то, что они батраки. Я презираю их за то, что у них нет духа. Да! Если у меня нет души, то у них нет духа! А отсутствие духа – это диагноз. И диагноз этот звучит так – лузер.

– Отсутствие души тоже диагноз. И звучит он так – негодяй.

– А потом ты мне сказала, что лучше бы пошла на дружескую встречу с кем-нибудь из них, чем со мной. Я понимаю, что это была шутка, но, не скрою, что она несколько задела меня.

– Савицкий! Зачем я тебе нужна? Столько лет прошло. Ты до сих пор не можешь забыть? Не можешь смириться, да? Думаешь, всегда должен получать, что хочешь? И ты решил отомстить, и мне, и этим двум, которые уж точно ни в чём не виноваты, так? Bravo!

– Не отомстить, а доказать. Доказать тебе, что отсутствие духа – диагноз более тяжкий, чем отсутствие души.

– Ты самовлюблённый псих, Савицкий.

– Сейчас докажу. Не тронувшись с этого места. – Мориарти встал, как вкопанный. – Как по-твоему мне удалось заставить их сыграть свои роли? Ты думаешь я их бил, ломал, шантажировал?

– Не сомневаюсь.

– Я всего лишь предложил им работу. Хорошую работу, с хорошим для них окладом. А потом я и попросил их об этой услуге. Объяснил им, что ты нанесла мне обиду, и я хочу отомстить тебе, опустить тебя. И знаешь, они долго не размышляли.

Руки Молнии, стянутые на груди, разжались, упали. Она подошла к Хмырю и Ботану почти вплотную.

– Кирилл, это правда?

Два десятка пар глаз сверлили вмятого в стену Ботана. Стоящий позади всех, и потому невидимый никому, кроме «подсудимых» Качок, показал в этот момент свой огромный кулак, и провёл большим пальцем по горлу.

– Прости, Мара... – Ботан кивнул головой.

– Прости... Так хотелось вылезти из нищеты. Такой шанс... – добавил понурившийся Хмырь.

Маринкины губы задрожали, верхняя поползла вверх, выдавая презрение.

– Вот и доказательство! – торжествующе провозгласил Мориарти. – Отсутствие духа – это не только диагноз – «лузер», но ещё и диагноз – «подонок».

Публика зашумела. Триумфатор жестом призвал её к тишине.

– Дорогие одноклассники! Через пять минут подадут сладкое. А после десерта, каждую из наших милых дам, ожидают подарки, которые мы, мальчишки, приготовили для вас с любовью и уважением. Господ же Пыльникова и Черных, мы больше здесь не задерживаем. Мерзавцы подлежат исключению из нашего класса.

В ночи, быстрым шагом, почти бегом, заложив руки в карманы, по дорожке, через тёмный страшный сад, сгорбившись, спотыкаясь, они уносили свои тела прочь от этого места. Хмырь громко всхлипывал. Ботан плакал молча.

У самых ворот Хмырь резко остановился. Как безумный схватил Ботана за плечи. Его пальцы давили так, что Клиф чуть не закричал.

– Ты знаешь почему они сильнее? – спросил он сквозь слёзы, срывающимся голосом. – Потому что зло всегда сильнее. Зло – это сила!

Вдали, сквозь мерцающие щели в чёрной завесе сада, ещё виднелись огоньки окон снятого Мориарти особняка. Порывы ветра ещё доносили обрывки звуков музыки. Вечеринка продолжалась.

Хмырь отпустил плечи Ботана. Как замороженный уставился на прорывающиеся сквозь черноту всполохи. Его челюсти сжались так, что казалось, будто слышится треск зубов. Спустя мгновение, из горла его вырвался непередаваемо страшный, невоспроизводимый звук, который напоминал и шипение гремучей змеи, и вой матёрого волка, и надрывный рык раненного льва...

– Проклинаю!!!

– Так что я тогда сказал? – Вольт не мигая глядел на Клифа. Под кожей катались нервные желваки.

– Истерил ты. Проклинал.

– Ещё, идиот! Что ещё я сказал?

– Да не помню я! Заколебал! Что-то там про зло.

– Вот! – Вольт потряс указательным пальцем. – Вот! – он откинулся на спинку стула. – Наконец-то! Зло! – Вольт снова подался вперёд, снова навис над Клифом. – Зло – это сила. Зло – это добро.

– Эй, чувак. Да ты в натуре, взбрел по полной. – На этот раз Клиф не отстранился. На этот раз он привстал и придвинул свою физиономию к физиономии Вольта, так что его нос едва не касался Вольтового веснушчатого крючка. – Ты для того меня вытащил, чтобы бред нести? У меня, что, других дел нет?

Вольт опустил на стул. – Да какие у тебя могут быть дела? – он махнул на Клифа рукой. – Вместе с папочкой редиску на огороде дёргать? Таким же ничтожеством, как ты.

– Э! Ты отца-то моего не трожь, козлина! – теперь Клиф сам нависал над Вольтом.

– Что? Правда глаза колет? – Вольт, на всякий случай, отодвинулся подальше. – А правда в том, что твой отец – ничтожество. И мой – ничтожество. И ты ничтожество! И я. А всё почему? Потому что, добро... добро, твою мать!

– Что ты несёшь, придурок?

– Я несущу вещи известные каждому, даже такому дебилу, как ты. Кто отец Мориарти? Акула. Хищник. Монстр. И Мориарти такой же. Поэтому у них есть всё. А у наших родителей, с их слюнявой добротой, с их, блин, совестью, интеллигентностью – ни хера. И мы с тобой такие же, чувак. Борьбу за выживание никто не отменял. Закон природы. Сильный жрёт слабого, и точка.

– Ну?

– Баранки гну! Добро приносит зло. Добро претит природе. Понял, болван?

– Да на фига мне твоя философия, Ницше комнатный?

– Ты хочешь быть, как Мориарти? – Вольт направил указательный палец на Клифа. – Хочешь быть круче, чем Мориарти? Хочешь в жопу затолкать Мориарти, его папашу и всех им подобных?

– Не хочу я быть, как Мориарти.

– Врёшь, гад! Хочешь, не меньше моего.

– Ну, допустим. И что?

– Тогда, сядь. Не висни надо мной, как сопля.

Клиф сел.

– «Тополиный пух, жара, июль», – вдруг пропел Вольт. – Знаешь, как моё старичьё любит эту песню! Задолбали.

– Это ты меня задолбал. Хватит мне мозги пудрить. Я ухожу.

– Я не пудрю. Прошлый июль помнишь? Такая же жара. Ни ветерочка...

- Допустим, помню. И что?
- Что с тобой приключилось, помнишь?
- А-а! Ты об этом.
- Об этом.
- Просто глюк.
- Просто?
- На почве внушаемости, там... Впечатлительности.
- А растяжение на пальце?
- Просто упал.
- А синяки на горле?
- Знаешь, я где-то читал, что одному человеку завязали глаза. Провели чем-то острым по руке. Не порезали, только провели. Потом стали капать на это место тёплую воду. Ему сказали, что вены его вскрыты. Что он истекает кровью. И этот тип через пол часа помер. Сила внушения. А тут, всего лишь два синячка...
- Вольт тихо рассмеялся.
- Эй, Клиф. Он снова появился. Он написал мне.
- Чёрный блогер?
- Вольт кивнул головой.
- После того, что с тобой приключилось, я ему верю. И мне плевать, что ты думаешь, что я псих.
- Конечно, псих. И ты псих. И он псих. – Клиф тербил пальцами мочку уха. – А что он тебе написал?
- Он написал, что нам с тобой делать, чтобы иметь всё и сразу. – Вольт призадумался на секунду. – Ну, почти всё, и почти сразу...

Глава 2 Сделка

«...Всё кончено, и я твоя добыча
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, – я закабалён».

Гёте. «Фауст».

«Ты – не кошка. У тебя не будет в запасе ещё восемь жизней».
Стейси Крамер. «50 дней до моего самоубийства».

Клифу часто хотелось умереть.

Когда ругались родители. Когда материл дед. Когда долго не забирали из детского сада.
Когда дворовые мальчишки валяли его в грязи.

Умереть хочется.

Когда чувствуешь, что никому не нужен – просто путаешься под ногами. Когда знаешь,
что боишься любого, кто хоть чем-то сильнее тебя.

Когда понимаешь, что выхода нет. Когда веришь, что это никогда не закончится.

Осень – мерзкое время. Позапрошлогодняя осень – особенно.

Казалось, солнце покинуло этот город навечно, и небо над головой – серое ватное одеяло.
Ветхое. Опостылевшее. Ударивший на пару дней в конце сентября бесснежный мороз, вмиг
сбил всю листву с деревьев. Кто сказал, что осень – золотая? Она безликая. Она голая. И пахнет
она сыростью из могилы. И прохожие, как мертвецы.

Кофе не бодрит. Куртка не греет. Закуришь – кашель.

Он ждал окончания школы. Верил – всё изменится. Оказалось, зря.

Институт. Когда Клиф отвечал перед аудиторией, начинался цирк. Он смущался, боялся,
сбивался, выходила полная ерунда. Все смеялись.

Студенческая вечеринка. Если Клиф трезв, он сидит молча в сторонке. Это с Хмырём,
он может быть смелым, без комплексов. Только с ним. Если он напивался – опять начинался
цирк. На следующий день, хотелось умереть. Уже от стыда. Все смеялись.

22 года. Девственник. Проблема решается легко. Купи проститутку, и твоё дело в шляпе.
Проблема решается очень легко. Но не для таких, как Клиф. В это трудно поверить, но он был
убеждён, что даже проститутка с ним не станет. Понимал, что бред, но всё равно был убеж-
дён. Как-то попробовал. Руки дрожали, как у запойного алкаша при жутком похмелье. Девушка
возьми и брякни: «если у тебя не встанет, я не виновата». Он сказал ей: «я, пожалуй, пойду».
Она сказала ему: «Иди, но деньги всё равно заплати – ты занял моё время». Он заплатил и
ушёл.

Через день случилась студенческая попойка. Он снова напился. Он напился и ляпнул
про этот случай. Все смеялись.

На следующее утро не хотелось жить. Так, как никогда раньше.

Родители снова расходятся. Они всё время, то сходятся, то расходятся.

Ты – объект насмешек. Ты – мишень для приколов. Ты никогда не сможешь с женщиной.
Ты никогда не пойдёшь к психологу. Ты – притча во языцах. Ты – Ботан.

Но проходит неделя-другая, и ты начинаешь думать, что всё когда-нибудь переменится.
Что всё когда-нибудь у тебя ещё будет. Не верить, только думать. Но и от этого становится
легче.

В ту злосчастную осень всё затянулось. Может, это она виновата? Уже месяц, а спасительных мыслей не появлялось. Заблудились в дороге? Забыли о нём? Сдохли? Вместо них появлялась другая мысль. Всё чаще и чаще. Знакомая мысль. Та, о которой Ницше сказал: «Мысль о самоубийстве – могучее утешение, с ней проживаешь много трудных ночей».

Но он знал, что никогда не решится. Что он не сможет и этого. Он слишком слаб и труслив для жизни. Он слишком слаб и труслив для смерти.

Синий кит приди.
В сказку уведи.
Смоет кровь вода.
Всё – не навсегда.

Киты – удивительные животные. Они убивают себя. Или помогают убить себя своим сородичам. Когда заболевший, или попавший в беду кит оказывается на мелководье, он испускает сигнал тревоги. На этот сигнал плывут другие. Плывут, чтобы спасти. Приходит отлив и погибают все...

«Тинкербелл! Тинкербелл!»
– Аллю.
– Как дела?
– Сдохнуть хочу.
– Это не ново. И?
– Группы смерти. Слыхал?
– Типа «Синий кит»?
– Да.
– И чего? Решил поиграть?
– Да. Сам не смогу. В смысле, убить себя не смогу.
– Дебил. Это ж для детей!
– Ну и что?
– Тебе ж третий десяток уже!
– Ну и что?
– Да несерьёзно всё это. Знаешь, мне самому часто сдохнуть охота. Вот были бы группы смерти для взрослых, может быть, и я б поиграл.
– Ты знаешь такие группы?
– Да говорю же тебе: нет таких.
– И что же мне делать?
– Во-первых, не дури, Клиф. Жизнь, она, конечно, – дерьмо, но убивать себя, это уж слишком. Хотя... Можешь поиграть с детишками в Синего кита. Может, это тебя отвлечёт от мрачных дум. Только сначала фейковый аккаунт в ВК создай, и напиши там, что тебе четырнадцать лет. А то не примут тебя в игру, дурень.

Сеть ВКонтакте. Он вбивает хэштег #синийкит.
Ничто не вечно под луной. Ничто не вечно под солнцем.
Разбуди меня в 4.20.

Кураторы пунктуальны. Ровно в 4.20:
Привет! Готов поиграть?

Да.

Правила.

Никому не говорить об этой игре.

Всегда выполнять задания.

За невыполненное задание тебя исключат из игры.

В этом случае тебя ждут плохие последствия.

Ты всё понял?

Всё

Начинаем?

Ок.

Перейди по этой ссылке

Клиф перешёл.

Ты в игре.

Первое задание.

На руке ты должен вырезать бритвой f57

А как ты узнаешь, что я его выполнил?

Выложишь фотографии в сеть.

Как ты узнаешь, что это мои руки?

Обмануть не пытайся.

Мы следим за тобой.

До встречи в 4.20.

«Маразм! Хмырь был прав – это для детей, – Клиф с размаху бросил телефон на кресло. – Но... блин! Сам хотел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Я не способен на то, что способен даже ребёнок? Куда отец засовал свою старую бритву?»

День второй. Задание №2.

Проснуться в 4.20 и смотреть страшные видео.

«Легко! Вся жизнь моя – страшное видео».

День третий. Задание №3.

Порезать руку вдоль вен (неглубоко).

«Вот это уже ближе к теме». Отцова бритва спрятана под матрасом.

День четвёртый. Задание №4.

Нарисовать кита на листочке.

Клиф – дерьмовый художник. Кит получился похожим на гиппопотама.

День пятый. Задание №5.

Если ты готов стать китом, пишишь лезвием на ноге слово «да».

«Снова идиотизм!». Но резать себя Клиф уже почти-что привык.

.....

День девятый. Задание №9.

Сделать себе больно.

«Придурок! Мне и так всегда больно», – Клиф ударил себя рукой по лицу.

День десятый. Задание №10.

Перебороть свой самый большой страх.

Стоп. «Что сделать? Пойти ночью на кладбище? Нет, этого я уже не боюсь. Попытаться ещё разок с проституткой? Хе-хе! Есть куча страхов покруче. Найти Молнию, и сказать: я хочу тебя с детства? Встретить Комода, и плюнуть ему в лицо? Дать Мориарти по роже? Ни фига не получится. Что же тогда говорить о Самом Большом моём страхе!»

Он пишет куратору:

Эй, чувак! Если преодолею свой Самый Большой Страх, то справлюсь и с остальными. А если я с ними справлюсь, то зачем же мне умирать?

Ты отказываешься?

Отказываюсь.

Решил слиться?

Я выхожу из игры.

Правила помнишь, слабак?

Насрать мне на правила.

Жди неприятностей.

Пошёл в жопу.

Через пару секунд зазвонил телефон. Номер не определён.

– Аллю.

Незнакомый голос ответил, – ты проживаешь по адресу: город ... , улица ... , дом ... , квартира Мы следим за тобой.

Сброс.

Дрожащей рукой он набирает Хмыря.

– Аллю.

– Вольт!..

- Охренел что ли?! Пол пятого ночи!
- Вольт! Пипец! Мне пипец, понимаешь?
- Что случилось?
- Я начал играть... Синий кит... Мне пипец!
- Да объяснишь ты толком уже?!
- Я играл десять дней. Сегодня они меня достали. Я решил выйти из игры.
- И?
- Они мне позвонили. Они знают мой телефон! Они знают мой адрес! Как? Откуда? Мне пипец, Вольт! Пипец!
- Да, постой ты. Не верещи. Они ссылки тебе какие-нибудь давали?
- Да. В самом начале.
- Ты по этой ссылке ходил?
- Да.
- Вот ты debil! Теперь они знают твой IP-адрес. По нему вычислили место жительства и телефон.
- Бляха-муха! Что теперь делать? Что делать?
- Ну, дурень. Ну ты и дурень! Слушай, ты ещё большее ссыкло, чем я думал! – Вольт начал смеяться.
- Какого хрена ты смеёшься, сволочь? Что ты смеёшься?! – завизжал Клиф.
- Ты на страничке написал, что тебе четырнадцать лет? – Вольт продолжал смеяться.
- Написал.
- Н-да. Похоже, тебе даже не четырнадцать, а, скажем так, десять.
- Иди в задницу!
- Эй! Дебил! Вспомни сколько тебе на самом деле!
- Иди в задницу!
- Тебе двадцать лет. Двадцать лет, дурень!
- Ну и что с того?
- Ты знаешь, кто твой куратор? Наверняка, пацан лет шестнадцати. Все пугалки его рассчитаны на детей. А ты, здоровая детина, повёлся, сдрейфил, обосрался. Позор!
- Как быть-то теперь, Вольт? Как быть-то?
- Ты понимаешь, что ничего в реале он тебе сделать не может? И не станет. А вот ты – можешь.
- Что я могу?
- О! Идиот! Вот, тормоз-то! Ты же юрист будущий, если, конечно, доживёшь до окончания...
- Ты предлагаешь...
- Да! Я предлагаю его запугать. Реально, он совершает преступление с точки зрения УК. Включай мозги. Статья 102. Доведение до самоубийства. Наказывается ограничением или лишением свободы на срок до пяти. Твоя угроза, не пустой звук.
- Фу! – Клиф облегчённо выдохнул. – Вольтыра, спасибо! Спас.
- Всегда, пожалуйста!

Клиф хищно потёр ладони и вышел ВКонтакте.

Клиф куратору:

Эй, гнида! Ты знаешь, что твой IP-адрес уже определён. Жди ментов с минуту на минуту.

Куратор Клифу:

А ведь тебе не 14 лет, китёнок. Правда?

Допёр, наконец. Что, обделался?

Предлагаю другую игру. Для взрослых.

Ты скоро на нарах будешь играть. На своё очко.

Могу скинуть ссылку.

Пошёл в жопу со своими ссылками, петух будущий!

Он сам тебя найдёт.

Кто он? Чо ты мне паришь?

Из этой игры не так легко выйти, китёнок. Хоть тебе 14, хоть 114. Вверяю тебя в надёжные руки. Жди Его.

Кого его?

Куратор больше на связь не выходил.

* * *

Клиф уже почти забыл эту историю, когда в один из зимних дней ему пришло сообщение от неизвестного адресата.

Аватарка – чёрный круг. Ник тоже чёрный – «Чёрный блогер».

Открываем.

Здравствуй, друг! Это – конец.

Ты кто такой? Что тебе надо?

Перейди на мою страничку. Первый пост для тебя.

Так. Аккаунт, конечно же фейковый. Друзей – ноль. Информации – ноль. На страничке единственный пост. Он же – первый. Других нет.

Несчастный мальчик больше не мог жить с собой.

Ветра радости никогда не дули в его жалкой стране. С чего радоваться, если ты – хуже всех?

Ему были даны руки и ноги, глаза и уши, и даже неплохо работающая голова, но пользоваться ничем из этого мальчик не умел. Потому что, для того чтобы все эти предметы представляли хоть какую-то ценность, нужно топливо. И имя этому топливу – СИЛА. То есть, как раз то, что у мальчика напрочь отсутствовало.

Глупенький! Он всё ещё надеялся, что ветра переменятся. Что когда-нибудь, каким-нибудь чудом всё станет с ним по-другому. Что в один из дней он получит всё. Всё и сразу. А как же иначе? Ведь он заслужил!

Заслужил безропотностью и униженностью, страхом, тоской и болью... «Страданием покупается счастье – думал он, – если в этом мире есть справедливость».

Но в мире справедливости нет. А если её крупицы кое-где и встречаются, то не распространяются на таких, как он.

Шли годы, но великого и сияющего дня избавления не наступало. И наше горькое дитя поражений уразумело: его не будет. Росли его руки и ноги, его голова, нос и уши, а сила в нём не росла. Как может вырасти то, чего нет изначально? Ростки появляются из семян.

И тогда он решил умереть.

Для того, чтобы жить нужна сила. Говорят, что уход из жизни – удел слабаков. Но даже отпетый слабак, отчаявшийся и обезумевший, нуждается в крохотной капельке силы, чтобы сделать последний шаг.

Но этой капельки у нашего мальчика не было.

Как-то раз морозным зимним днём, пустым и унылым, наш герой сидел у окна. За окном грязный лёд. Ничего кроме грязного льда, да убогих прохожих на нём. Он думал о дальних странах. Где тепло, где пальмы, магнолии и кипарисы, где красотки-мулатки обнажёнными плещутся в океанских волнах, где жизнь бьёт ключом, где он желанен и важен, где есть всё... Но там его нет. Там его никогда не будет. В эти страны плывут корабли, идут поезда, летят самолёты. Поезда!

«Поезда – электричка – лес» – вдруг сложилась цепочка в мозгу. Ему показалось, что он нашёл выход. Наверное, это будет не сложно. Сейчас встать, одеться, пойти на вокзал. Сеть в электричку. Это он сможет. Два часа ходу до станции N. На ней он выйдет. Это тоже не сложно. А вокруг такие леса! Прямо со станции он двинет в лес. И это он сможет. А дальше...

Он попытается заблудиться. Ведь это так просто в таком-то лесу! И так уже было позапрошлым летом. Если бы не те грибники...

Правда, зимой есть подсказка – следы на снегу. Но если их хорошенько запутать... Если бродить по лесу до темноты. Темнота скроет следы. Он не будет одеваться тепло...

Когда стемнеет, когда станет очень холодно, конечно же он испугается. Конечно, же ему захочется в тепло, захочется горячего чая и бутерброда с маслом и колбасой. Захочется оказаться в горячей ванне, под пуховым одеялом в уютной постельке. В эти минуты ему снова захочется жить. И он забудет до срока, что жизнь его не имеет ни смысла, ни будущего.

Тогда он начнёт вопить о помощи. Он будет орать во всё горло. Он станет судорожно кружить по тёмному заиндевевшему лесу, пытаясь найти дорогу на станцию. Но поздно! Никто не услышит, никто не поможет. Он не возьмёт с собой спичек. Мороз будет крепчать.

Через несколько часов силы оставят его. Он сядет на снег, привалившись спиной к толстому стволу, трещащей от мороза ели. Он читал, что смерть от замерзания – лёгкая смерть. Сначала ты перестаёшь ощущать холод. Потом тебе становится тепло. Тепло это начинает окутывать тебя с головы до пят, мягкими волнами омывать твоё тело, успокаивать, убаюкивать, нежить. Уплывают в забвение все печали, все тревоги, все мысли. Растворяются в бескрайней вечности, исчезают в ней навсегда. Вместе с теплом приходит покой, приходит блаженство, приходит сон... Вот и всё. Ты блаженствуешь и засыпаешь, чтобы никогда не проснуться.

Он встал с табурета. Через три четверти часа был на вокзале. Ещё через два с половиной – вышел из вагона на станции N.

Лес тих, как мертвец, укрытый белым саваном снега. Юноша, на котором лишь свитер да лёгкая куртка, по колено в снегу пробирается сквозь бурелом, уходит всё дальше, забирается в самую чащу.

Надо ходить кругами. Надо запутать следы.

На мёрзлое сонное царство опускается вечер, сгущаются сумерки. В их свете сосенки превращаются в призраков, высокие ели в громадных чудовищ, а мелкие ёлочки в надгробия на

могилах. Хрустят от мороза ветки, тоскливым и страшным голосом кричит ночная птица, наползающая тьма полнится странными шорохами. Он здесь совсем один.

Как странно то, что ему страшно! Он ведь хотел умереть. Казалось бы, что может быть страшнее смерти? Страшнее смерти была картина, что рисовалась перед его глазами. Он умер, его окоченевший труп заносит метель. И он (теперь труп) совершенно один в этом жутком лесу. Он умер, его тело беспомощно и неподвижно, но сознание осталось живым. Его разум продолжает испытывать муку. Ему также холодно, пустынно, тоскливо и страшно, но он больше не в силах ничего изменить. Кто знает, когда его найдут, чтобы забрать отсюда? Может быть, никогда. Пройдёт зима, наступит лето, придёт следующая зима, следующая, следующая... а его разлагающееся тело так и будет лежать здесь, в полном забвении и одиночестве. Вечно. И он будет продолжать страдать, всеми заброшенный и неподвижный, страдать до конца времён.

– Помогите! – со всей мочи заорал юноша. – Я пошутил! Я дурак! Я очень хочу домой!!! Он зарыдал. Бросился искать дорогу назад. Но где там!

– Зачем я запутал следы?!

Сумерки превратились в ледяную мглу. Лишь злые звёзды мерцали в небе, пронзённом чёрными пиками елей.

Заливаясь слезами, замерзающими на лице, проваливаясь в сугробы по пояс, он брёл наугад сквозь темноту. Ветви хлестали по лицу, колючки и иглы рвали одежду. Он стал выбиваться из сил. Опустился на снег, прислонившись спиной к стволу ели, и с грустной улыбкой прошептал себе: «Я молодец. Всё вышло так, как я и задумал».

Сил больше нет. Холод промораживает так, что кажется, будто ломаются кости. Остаётся ждать, когда станет тепло. Остаётся ждать смерти.

Но что это? Возможно, ему показалось? Вдали, меж чёрных ветвей сверкнул огонёк. Скрылся. Снова сверкнул. Он встал на ноги и пошёл на свет.

Вышел на большую поляну. Посреди поляны – костёр. У костра сидит человек, и ворокает палкой угли. Человек сидит спиной к нему. Снег громко хрустит под ногами юноши, но человек не оборачивается, будто не слышит. Юноша подходит всё ближе. Спасён!

От холода ли, от свалившихся ли на него переживаний, от ошеломления ли чудом спасения, но юноша даже и не заметил, что сидящий у костра одет не по сезону. Да, и вообще, одет очень странно для здешних мест и нынешних времён. На человеке – чёрный балахон. Голова покрыта капюшоном.

Юноша встал у него за плечом.

– Здррравствуйте... – стуча зубами произнёс он.

Фигура в чёрном даже не шелохнулась.

«Может быть, он глухой?»

– Можно погреться? Я очень замерз! – почти закричал юноша.

Фигура осталась неподвижной.

Юноша тронул её за плечо.

Голова, покрытая капюшоном, медленно развернулась в его сторону. И тут юноша увидел, что никакой головы в капюшоне нет! Вместо неё, вместо лица, на юношу глядела пустота. Не было у фигуры и кистей, не было и ступней. Словно бы балахон надет на невидимку, на некое осязаемое Ничто...

Юноша отпрянул, поскользнулся, сел задом в снег.

Фигура приподнялась над землёй, нависла над ним. Юноша, махнул перед глазами рукой, надеясь отогнать видение. Закрыв глаза. Открыл. Это не помогло.

– Поднимись, червяк! – раздался замогильный голос из балахона.

Юноша поднялся.

– Ищешь смерти, ничтожный? Такие мне и нужны! – пустота в балахоне подплыла вплотную к нему.

– Кто ты? – выдавил из себя, теряющий рассудок юноша.

– Тебе этого не постичь.

– Что ты со мной сделаешь? Зачем я тебе? Я просто хотел погреться.

– Такие глупцы, как ты считают, что смерть – избавление, – пустота зарокотала басовитым смехом. – И неведомо им, что смерть для них, лишь дорога к пределу отчаянья. Что за смертью их ждёт то, что страшнее смерти.

– Я не понимаю тебя, – дрожащим от потрясения, страха и холода голосом, – сказал юноша. – Отпусти меня, а?

– Сейчас поймёшь, – злоеце сказала фигура, и приблизила дыру своего капюшона прямо к его лицу.

Будто смерч задул. Какая-то сумасшедшая сила, словно сверхмощный пылесос, стала всасывать его в ужасную пустоту капюшона. Вобрала в себя целиком. Завертела, закружила в исполинском водовороте. Понесла сквозь неведомое пространство, сквозь время, в Никуда, в пустоту, в Ничто...

Очнулся он на песке, под бой барабанов, звон бубнов и девичий смех. Здесь было тепло. Слышался шелест прибоя. Во влажном воздухе разлит запах – запах ему незнакомый. Но он откуда-то знал, что так пахнет морем. Солью и морем.

Здесь тоже стояла ночь. На небе диск полной луны. И дорожка по тёмной воде, убегает за горизонт, играя оранжевым светом.

Здесь тоже горел костер. Прямо на берегу. Только он был куда больше, того, что в лесу.

Три белозубых мулата стучат в дарабукки. Их руки мелькают так быстро, что за ними нельзя уследить. Этот ритм воспламеняет, заставляет сердце биться быстрее.

Но то, что происходит вокруг костра, способно заставить сердце, не просто биться быстрее, оно заставляет выпрыгнуть его из груди лягушкой. Девушки. Тоже мулатки. Стройные, гибкие, длинноногие, в открытых бикини – лишь тонкая полоска ткани меж дышащих соблазном ягодиц. Тропические нимфы. Их здесь дюжина, может быть, больше. В такт беженному ритму ударных, их гладкие тела извиваются, вращаются, гнутся, вздрагивают. Отсветы костра и тени ночи причудливо переливаются, играют на бронзовой коже. Роскошные волосы размётаны. В руках некоторых танцовщиц бубны. Бубны вторят барабанам. Они звенят, они чеканят свой ритм, сплетаясь с грохотом дарабук. Бубны бьют по бёдрам, по точёным лаковым бёдрам. Всё сильнее, всё яростнее, всё быстрее. Пляска становится пожаром, искривляясь фейерверком, ураганом.

Где он? В одной из дальних стран, где ему никогда не суждено было оказаться? Что это? Видение, навеянное агонией? Значит, верно говорят, что смерть от замерзания – блаженство. Умирать не страшно!

Мулатки сбрасывают остатки одежды. Вот они, совершенно нагие, мелькают под пламя костра. Ритм становится беженным. Пляска всё резвей, всё неистовей...

Тот призрак в балахоне – галлюцинация, вызванная замерзанием. А это видение – признак умирания. Эйфория. Защитная реакция мозга. Теперь всё ясно. Теперь всё прекрасно.

Но тут одна из девушек внезапно останавливается. Её взгляд падает прямо на него. Она выходит из хоровода, идёт, мягко ступая по песку. Она идёт к нему.

Её стройные бёдра плавно раскачиваются. Её груди – высокие, словно два больших яблока, с чёрными изюминками напряжённых сосков. Её живот плоский, как лакированная полочка для хрустальной посуды. Там, внизу – манящий тёмный пушок... Её кожа – бархатистая, словно персик. У неё волосы – до поясицы...

Она тоже прекрасна. Как смерть от замерзания. Как это видение. Она прекрасней, чем это видение.

Девушка подходит совсем близко, и садится на корточки, в двух шагах от него.

– Скучаешь, кабальеро? – игриво улыбаясь, спросила она.

Она произнесла это по-испански. Но он понял её. Он откуда-то знал этот язык. Он понимал его так, будто бы говорил на нём с рождения.

– Э...

– Идём со мной! – она взяла его за руку, и увлекла за собой.

Некоторое время они шли вдоль берега, и когда звуки барабанов стали едва слышны, обнажённая красавица остановилась. Луна на небе настолько яркая, что на пляже светло, почти-что, как днём.

Она призывно смотрит на него лучистыми карими глазами. С её волосами играет ночной бриз. На нём – только длинные цветастые шорты. Он замер. Он не знает, что делать с руками. Он не знает, что делать с ней.

– У тебя никогда не было девушки?

– Я...

Она прижалась к нему. Её тело горячее и трепещущее.

Он чувствует, как пушок меж её ног, коснулся его бедра.

Одна рука девушки, обвила его шею, другая проникла за пояс, опускается ниже, находит, ощупывает, сжимает...

Его дыхание становится частым. Там, внизу, разгорается жар, растёт напряжение, будто сжатая стальная пружина готовится всей своей силой выстрелить вверх.

Её губы сливаются с его губами. Её ловкий язычок проникает в его рот. Пружина распрямлена. Ему больше не нужно знать, что делать – его тело сделает всё за него. Сейчас это свершится. Он перестанет быть девственником...

Но за мгновение до этого мига что-то произошло. Какая-то перемена. Тело девушки, как будто одеревенело. Он почувствовал, что оно холодеет, становится склизким... Ноздри, явственно ощутили запах гниения. И тут его губы пронзила острая боль. Она укусила его!

Юноша отшатнулся.

*Перед ним стояла **не девушка**.*

Голой полуразложившийся труп. Кожа трупа грязно-зелёного цвета. Она лоскутами истлела, обнажив желтоватые рёбра. В левой груди чернеет дыра. В дыре копошится клубок белых червей. Свалявшиеся редкие волосы, проплешины, синюшные пятна... Бахрома пепельных, изъеденных тлением губ, открывает кривые коричневатые зубы. Так как от десен почти ничего не осталось, эти зубы кажутся длинными, хищными. Гниющее тело вымазано слизью морских водорослей. И само тело, местами – просто слизь, висящая на костях. Но на пальцах у трупа – когти. Они крепкие, длинные, острые, словно стилеты. И глаза мёртвой нимфы – без зрачков, покрытые бельмами, – горят тусклым призрачным светом.

– Ты не достоин этого! – вдруг восклицает она.

И самое ужасное в том, что голос исчадия звучал так же, как и у той девушки, когда... когда она была живой. Без сомнения, этот один и тот же голос! Он звучал так же звонко, перемежаясь той же очаровательной хрипотцой. Только очень зло, насмешливо.

*– *Nunca seras un hombre!*¹*

*В отдалении, за спиной у мертвячки, в их сторону уже двигалось скопище. Оно шаталось, вихлялось, раскачивалось, будто на шарнирах. Это те, кто только что плясал у костра. Только они уже тоже – **не девушки**...*

– Ты достоин города тьмы, жалкий ублюдок!

¹ * тебе никогда не стать мужчиной! (исп)

Юноша бросился бы бежать. О! Он бежал бы отсюда, что есть духа. Только, куда бежать, если ты уже умер...

Толпа гниющих утопленниц окружила плотным кольцом. У них у всех когти, как стилеты. Их ужасные костлявые руки тянутся к его горлу.

*Толпа начинает скандировать:
– В город тьмы! В город тьмы!*

*В голове у юноши помутилось.
И вот он снова летит сквозь безмолвную пустоту, вне пространства и времени.
Глухой удар.*

Когда туман перед глазами рассеялся, он обнаружил себя стоящим на гладкой, как стекло, мостовой. Вокруг серый сумрак. Прямая, бесконечно длинная улица. По обеим её сторонам высокие и странные строения. Мутно-белого цвета. Прямоугольные. Абсолютно безликие. Абсолютно одинаковые. Без дверей и окон.

Над головой непроницаемо-чёрное небо. На том небе нет ни единого светила. В этом городе ничем не пахнет. В этом городе отсутствуют звуки.

Вдоль улицы, по самому её центру, движется нескончаемая колонна существ. Эти существа напоминают людей. Только у них нет лиц. И созданы они, как будто из дыма. Но, вместе с тем, они, несомненно тверды, состоят из плотной материи – это видно по тяжести их шагов.

Они, словно бы клоны друг друга. Они также неотличимы меж собой, как и остекленевшие громады зданий, вдоль чёрной дороги.

Эти дымные зомби, шествуют уныло. Не шествуют, а бредут. В их движениях обречённость. Наверное, так же брели в печи узники Маутхаузена...

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

Юноша поглядел на свои руки. Они состояли из твёрдого дыма. Они были такими же, как и у этих несчастных. Он оцупал лицо. И с ужасом обнаружил, что на нём нет носа, нет губ, нет глаз...

«Как же я могу видеть?!»

На существах не было никакой одежды. Это делало ясным, что у существ отсутствуют признаки пола – ни груди, ни гениталий...

То, что ещё совсем недавно являлось юношей, взглянуло на область между своих ног, и нашло это место совершенно плоским, как у куклы.

Оно не успело оправиться от шока, как оцупило за своей спиной чьё-то присутствие.

Оно опасливо обернулось. Перед ним, висая в нескольких сантиметрах над тёмным стеклом мостовой, возвышалась фигура в балахоне. Та самая Пустота в балахоне, что встретила его у костра в лесу.

– Ну вот ты и там, где должно тебе быть, – прогудел глухой бас.

– Где я?

– В городе тьмы, – ответила Пустота.

– Кто они? – то, что было юношей показало на унылых существ.

– Ничтожества, жалкие неудачники. Слабейшие из слабейших. Те, кто вёл пустую ничемную жизнь, без цели и смысла. Те, кто и не пытался одолеть свои страхи.

– Как они оказались здесь?

– Кто-то естественным образом, кто-то прервал давешнее своё бытие добровольно.

– Я умер? – спросил бывший юноша.

– Смерти не существует.

– Я в аду?

– Ада не существует.

– Тогда...

– Хватит болтать!

С этими словами, фигура в балахоне подхватила его, и легко, как пушинку, подняла над землёй. Они взлетели наверх, на высоту пяти метров, и понеслись вдоль по улице, над нескончаемой колонной бредущих страдальцев.

Полёт их был столь быстр, столь стремителен, что стоящие по обочинам странные здания слились в сплошную белёсую стену, а колонна серых существ внизу, превратилась в непрерывную полосу. Но ветер, естественный для такой скорости, вовсе не бил в лицо. Никакого сопротивления воздуха. Похоже, здесь вообще не было воздуха. В этом месте отсутствовала потребность дышать. Да и как дышать, если у тебя нет ни носа, ни рта, ни лёгких?..

Полёт длился долго – прервался внезапно. Они оказались на громадной круглой площади, мощённой таким же, как и все улицы здесь, тёмным стеклом. Посреди площади возвышался непредставимых размеров куб. И был этот куб настолько чёрным, что даже тёмное мощение площади казалось на его фоне чуть ли не серым.

Радиально от площади расходились все улицы этого города. Прямые, как струны, бесконечно длинные, совершенно неотличимые одна от другой. И по каждой из этих улиц тянулись нескончаемые колонны обречённых призраков из плотной материи. Одни из этих колонн вливались в многочисленные двери чёрного куба, другие, наоборот вытекали из них, и продолжали своё скорбное шествие в обратном от площади направлении. Это вечное движение – медленное, размеренное, механическое – не прерывалось ни на миг. Никогда не менялась его скорость, его направления... Исполинский адский конвейер был безупречен.

– Что это? – спросил былой юноша, поражённый зрелищем куба.

– Это место для таких, как ты! – расхохоталась Пустота в балахоне. – Юдоль ничтожнейших. Юдоль слабейших. Здесь каждый из них найдёт то страдание, которого больше всего хотел избежать. Здесь каждый из них встретится со своим самым лютым страхом. Не просто встретится. Он будет в нём тонуть, он будет в нём задыхаться, он будет в нём умирать. Но умереть он не сможет. Потому что, смерти нет! – Пустота расхохоталась пище прежнего.

– Вот, погляди, – пустой рукав балахона указал на одного из несчастных, приближающегося к страшному входу. – Этот больше всего боялся, что ему изменит жена. Жена-то была ему верна, но он боялся. Знаешь, что ждёт его, когда он окажется внутри? Он будет лицезреть, как его любимую имеет огромный мускулистый негр. Как его благоверная будет стонать и корчится на его грандиозном фаллосе. Как его подруга жизни станет приговаривать, захлёбываясь от наслаждения: «О, мой бог! Как мне хорошо с тобой! Как сладко мне! Как блаженно!». Негр же будет её беспрестанно спрашивать: «не то, что с заморышем-муженьком, верно?». И она будет отвечать ему: «Да! Да! Мой лев». Ревнивицу предстоит лицезреть это снова и снова, на протяжении бесконечных часов, дней, недель. Потом это закончится. Но ненадолго! Он выйдет из куба и отправится в обратный путь по улицам города тьмы. Он дойдёт, вместе с другими ничтожествами до его края, и повернёт обратно. По пути он забудет, что пережил в кубе. И он станет вновь приближаться к нему без памяти, но со знанием того, что в конце пути его ждёт то, что страшнее смерти. Это будет повторяться с ним до конца времён.

– А теперь глянь на этого, – Пустота навела свой рукав на другого страдальца. – Этот в ином бытии был женщиной. Красивой женщиной, скажу я тебе! Но сколько не убеждали её в обратном, считала она себя гадкой уродиной. Эта женщина больше всего боялась быть некрасивой. В кубе она предстанет перед зеркалом, и будет видеть в нём страшную ведьму. Беззубую, с огромным расплюснутым носом, ослиными ушами, кривыми короткими ножками...

– Вон то же ничтожество, третье от входа, – было когда-то богачом. Состояние его исчислялось миллиардами. Но сильнее всего он боялся стать нищим. В кубе он будет сидеть на помойке в дырявом рубище. Он будет сидеть там, пожирая объедки, продрогший на холодном дожде.

– А какой твой самый великий страх? – чёрный балахон подплыл вплотную к призраку юноши. – Что для тебя страшнее, чем смерть?

Призрак отступил на шаг.

– Можешь не отвечать, – сказала Пустота. – Мне это известно. Погляди-ка лучше туда. – Рукав показал на строй зомби, втекающий в одну из дверей куба.

В том строю была прореха, свободное место между двумя бредущими.

– Догадался, для кого это место? – злое спросила Пустота.

Призрак юноши попятился.

– Сам пойдёшь, или помочь тебе?

Плечи дымного призрака опустились. Голова поникла. И тяжело волоча ноги, он обречённо направился к промежутку в колонне.

Когда до того, чтобы встать в этот строй ему остался всего лишь шаг, всё исчезло.

Он открыл глаза и увидел костёр. Поляна зимнего леса. Он сидит у огня. Перед ним не Пустота в балахоне – старик в полушубке, с седой бородою и свирепым лицом. Восседает напротив на кряжистом пне. Ворочает веткой раскалённые угли.

– Здравствуйте, дедушка! Я заснул?

– Заснул, говоришь? – ворчливо сказал старик. – И что ж тебе снилось?

– Да, всякое...

– Тупица! – вдруг старик огрел его по плечу своей палкой. – Не снилось тебе это! Не снилось!

Глаза старика – злые, колючие, страшные, – буравили его перфоратором. – Ты видел одно и другое. Первое и второе. Хочешь второе? Хочешь встать в строй? Прекратит существование вселенная, а ты всё будешь ходить по кругам. Входить в куб – выходить из него. Входить – выходить. Город тьмы существует вне времени. Или же ты хочешь первого? Хочешь, чтобы то, что увидел ты в самом начале, оказалось песчинкой, по сравнению с горой?

– Кто вы? Я не понимаю, о чём вы? – оторопел юноша.

– Всё ты понимаешь, маленький засранец! Ты видел там девок, о которых мечтал пол своей жизни. Ты чуть было не стал мужиком. Хочешь ли ты иметь женщин? Лучших женщин этого мира! Хочешь ли ты силы, власти, могущества? Хочешь ли ты славы и преклонения перед тобою? Желает ли ты владеть несметным богатством, купаться в роскоши? Мечтаешь ли ты растереть в пыль всех своих врагов и обидчиков?

– Конечно, хочу, дедушка. Кто же такого не хочет?

– Бывают такие, что не хотят, – буркнул дед. – Почему же тогда не спросишь, что для этого надо?

– Спрашиваю, дедушка: что для этого надо?

– Заключить со мной договор.

– Какой договор?

– Ты получишь всё, что желаешь. Взамен, сделаешь, то, что я попрошу.

– Что ты попросишь?

– Об этом узнаешь потом.

– Ты предлагаешь мне продать душу дьяволу?

– Души не существует, а я не дьявол, – ответил дед.

– Тогда я готов. Что для этого нужно?

– Просто сказать одно слово: согласен. Но слово это будет прочнее любых печатей.

– Я согласен.

Старик порылся в кармане потасканного полушубка. Извлёк оттуда фонарь. Старый, серебристый, круглый. С надписью MADE IN USSR. Протянул его юноше. – Пойдёшь по моим следам. Через полчаса будешь на станции.

– А как же...

– Тебя после найдут. Когда придёт время. Ступай!

Клиф Чёрному блогеру:

Прочёл я твой пост. Ну и что?

Чёрный блогер Клифу.

Ничего. Сейчас выключат свет, Кирилл.

В тот же миг торшер у кровати Клифа погас.

– Ё... твою мать! – раздалось из зала. Отец смотрел Лигу Чемпионов.

– Сапожники, ё... твою мать!

Далее следовал многоэтажный мат.

– Заткни поганое хайло, чёртов похабник! – донёсся из кухни истеричный визг матери.

* * *

– Слышь, Вольт. Как думаешь, что за блогер такой?

– Думаю, весьма интересный тип.

– Но откуда он моё настоящее имя узнал?

– Это несложно. Через твоих друзей ВКонтакте нашёл.

– Но он же на липовый аккаунт мне написал. И нет там у меня никого в друзьях. А ник там, не Кирилл Пыльников, а Китёнок.

– Думаю, что для продвинутых людей, это не помеха.

– А как он со светом номер устроил?

– Да, может, он в твоём подъезде стоял, да и пробки выкрутил.

– Так и в других домах свет погас. Я же видел.

– Ну... Может, он на подстанции работает. Вот и отключил.

– Да кто он такой вообще? На фига он мне написал? Зачем ему это устраивать?

– Думаю, тебе предлагают сыграть в Синий кит для взрослых. Помнишь ты говорил месяца три назад?

– Ага. И что делать?

– Забыть.

Клиф забыл. И не вспоминал до прошлой весны. До тех пор, пока не нашёл в своей тумбочке, что стоит у кровати, фонарь. Старый. Серебристый. Советский. С надписью *MADE IN USSR*.

– Папа! Это твой фонарь?

– Первый раз вижу. Откуда ты эту рухлядь припёр? Таких уже лет двадцать пять не делают.

Сей инцидент рассудительный Вольт объяснить не смог. Он сказал Клифу:

– Ты спроси у своего блогера, может ли он меня в друзья добавить.

– Я бы спросил. Так он на связь не выходит. Вот, как тогда, зимой, написал мне, так и пропал.

– А ты всё равно напиши. Спроси.

Клиф написал.

Чёрный блогер ответил:

Могу.

И исчез до июля месяца.

В июле пришло сообщение:

«Вот и настал твой черёд, мой несчастный друг! Оно нашло тебя. Оно идёт за тобой. Докажи, что ты не самый ничтожный из всех ничтожных лузеров. Докажи, что ты не самый жалкий из самых жалких трусов. Встреть его. Сможешь ли? Будь в том месте, где приняли свою страшную смерть твои пращурь. Оно уже рядом. Именно там. Грядущей ночью. В час Быка...»

После того, как Клиф поведал Вольту о своём приключении на старой квартире, тот надолго задумался, а потом сказал: – Знаешь, Клиф. Если бы он предложил мне сыграть в игру, я бы не отказался.

Но Чёрный блогер исчез. Не писал. На сообщения не отзывался.

* * *

– Так что он ещё тебе написал? Ну? – Клиф забыл о пиве. – Что нужно сделать для того, чтобы всё и сразу?

– Заключить с ним сделку.

– На каких условиях?

– Мы получаем всё, что мы захотим.

– А взамен?

– Взамен сделать то, о чём он попросит.

– А о чём он попросит?

– Написал, что узнаем потом.

– Как заключить договор?

– Написать ему в личку всего одно слово: согласен.

– Ты напишешь, Вольт? Ты напишешь?

– Я уже написал.

– Лихо!

– А ты, Клиф, готов написать?

– Надо подумать.

– Я бы на твоём месте даже не думал.

Глава 3 Дом на пустыре

Хилл-хауз, недремлющий, безумный, стоял на отшибе, среди холмов, заключая в себя тьму... Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Ширли Джексон. «Призрак дома на холме».

Вдали, у самой кромки, подёрнутого усталой дымкой горизонта, появилась полупрозрачно-синяя точка. Неприметная точка на дальнем краешке предвечернего неба. Казалось, что всякое движение воздуха остановилось. Стояла вязкая духота. Она, как невидимый и тягучий кисель, пропитала пространство. Она пробралась в каждую щель. Она не давала дышать. Она не давала жить.

Меж тем, синяя точка на востоке помутнела, растянувшись в широкую полосу, будто бы кто-то провёл по линии горизонта кисточкой, которую окунули в густую свинцовую краску. Полоса разрасталась, чернела; полоса пожирала небо. С востока на город шла тьма.

Тьма несла в себе шквалистый ветер, мириады тонн, готовой рухнуть с небес воды, огонь миллионов молний, рвущие барабанные перепонки децибелы громовых взрывов. Тьма уже покрывала пол неба.

Брюхо у тьмы косматое. В её утробе бесятся жёлтые всполохи. Края у тьмы шипящие, пенистые. Раскаты грома всё ближе, всё беспощадней. Тьма нависла над городом. Тьма поглотила его.

Вдруг шарахнуло так, что показалось, что мир вокруг треснул, рассыпался на кусочки. Удар ледяного ветра, согнул тополя и осины, едва не сбил с ног, не успевших укрыться прохожих, яростно рванул кровлю с голов перепуганных насмерть домов.

И раскрылись миллиарды изрыгающих ртов в брюхе тьмы. Струи воды пулемётными очередями ударили по крышам и стёклам домов, по крышам и стёклам машин, по пыльным листьям, по чахлым клумбам, по растрескавшемуся асфальту, по тугому плетенью бурьяна на огромном заброшенном пустыре...

Едва ли кто-нибудь в городе помнил о том, когда появился этот пустырь. Едва ли кто-нибудь мог объяснить, почему годами, десятилетиями, это место обходило строительство. Едва ли кто-нибудь знал о том, что скрывает в себе непролазный бурьян в самой сердцевине этого странного места. Даже вездесущие мальчишки, которые не могут себе позволить не излазить вдоль и поперёк ни одного чердака, ни одного подвала, ни одной свалки, ни одного погоста, отчего-то никогда не заглядывали сюда.

Непролазный бурьян скрывал в себе дом. Вернее, то, что когда-то, возможно сто лет назад, было домом. Его покосившая черепичная крыша покрыта мхом и плесенью. Его три окна на фасаде, и окошко мансарды, давно позабыли о стёклах – пустыми глазницами таращатся на глухую стену чертополоха. Каменная кладка густо увита плющом. Дубовая дверь почернела, растрескалась, полуистлела. Тоскливо скрипит ржавыми петлями, когда над пустырём завывает ветер. Внутри дома темно. Пахнет сыростью и запустением. Здесь не живут даже крысы. Только изъеденные временем остатки мебели. Только пыль. Только обломки камина у ветхой стены...

* * *

Ковёр бескрайнего луга. Изумрудные травы и лазоревые цветы. На стеблях, на лепестках, дрожат чистые слёзы росы. Греет улыбочное солнышко в глубоком безоблачном небе. Пчёлы собирают нектар.

По лугу идёт девушка в лёгком ситцевом платье. Её ступни мокры от росы. Изумрудные язычки травы приятно щекочут проворные ножки. Воздух наполнен запахом мёда. Медвяный эфир пьянит, и хочется петь.

Девушка напевает: «Васильки, васильки, васильки...»

Чем дальше она идёт, тем выше становятся травы, тем крупнее цветы.

Вот они уже в пояс. А вот, и по грудь.

«Разве васильки бывают такими большими?» – спросила девушка.

«Конечно, бывают!» – ответили чьи-то тоненькие голоски.

«Разве васильки пахнут? Разве они пахнут так? – вновь спросила девушка, – ведь у них запах едва уловимый, лёгкий, с горчинкой»

«Конечно, пахнут! Конечно, они так пахнут! – заверили её голоски, – иди дальше».

«Кто это разговаривает со мной здесь?» – хотела спросить она, но не стала. Девушка догадалась, что с ней говорят цветы. Она пошла дальше, и скоро цветы стали ростом с неё.

Она остановилась у самого большого из них. Этот цветок похож на корону из бирюзы. И если бы девушка решила примерить ту корону себе на голову, то корона бы оказалась ей велика.

«Василёк, василёк, василёк», – пропела девушка.

«Василёк, василёк, василёк», – отозвался цветок чарующим голосом.

«Василёк, василёк, василёк», – снова пропела девушка.

«Василёк, василёк, василёк... **василиск!**» – голос цветка вдруг сделался грубым, словно собачий лай, и принадлежал уже не цветку. Свиристая змеиная пасть с частоколом акульих зубов разверзлась прямо перед лицом девушки. В краснеющем жерле замелькал отвратительный тонкий язык, двоящийся на конце. С языка стекали пузырящиеся капли жёлтого яда. Из пасти дохнуло холодом и зловонием. Стебель царя васильков превратился в извивающееся змеиное тело.

Девушка бросилась было бежать, да ей вмиг стало ясно, что уже не спастись...

Все цветы на лугу обратились в змей. Эти были меньших размеров, чем их предводитель, но такие же жуткие, с пастьями полными острых зубов, они кровожадно сверкали чёрными, как антрацит, глазами.

Сразу несколько тварей стремительно бросились на жертву в ситцевом платье. Повалили на землю, оплели, скрутили железным клубком. Поволокли, потащили по шершавому дёрну.

Скоро дёрн превратился в сырую землю, сырая земля превратилась в грязь, грязь в смердящую липкую жижу... Солнечный свет померк, стало очень темно, стало холодно.

Ей казалось, что гады волокут её куда-то вниз, очень глубоко вниз, в некую бесконечную бездну. Пространство вокруг содрогалось от звуков. И звуки эти были ужасны.

Пространство выло, стонало, плакало. Оно взрывалось чьими-то рвущими душу криками, как будто тот, кто кричал подвергался нечеловеческим пыткам.

Но то, что порой удавалось ей разглядеть сквозь плотный клубок змеиных тел, представлялось ещё более невыносимым. То там, то тут, попадались ей на глаза существа сколь жалкие, столь ужасные. Большой, размером с собаку, таракан с головой человека; карлики с головами крысы; маленькие, невероятно уродливые женщины со скрюченными конечностями; похожие на гигантских слизней мужчины... Тела существ изъязвлены, истерзаны. На их лицах (если это

можно было назвать лицами) застыла невыразимая мука. А крики, эти жуткие крики, несомненно, вырываются из их ртов.

Невозможно сказать, сколько времени длился этот путь в никуда, ибо время в здешних местах теряет свои свойства и смысл. Но вдруг, змеиная хватка ослабла, змеи исчезли, словно растворились во тьме.

Девушка пытается подняться на ноги, но это даётся с трудом – тело не слушается. Тело её тяжёлое, будто бы весит тонну. Всё, чего удалось ей – это встать на колени. Напротив, всего в каких-то десяти шагах от неё – большой, раскалённый докрасна, камень. На нём, безо всякого вреда для себя, сидит старуха в белых одеждах. Старуха отвратительна и страшна. Таких злых глаз, как у этой старухи, девушка не видела никогда. Старуха бледна, словно смерть. Её морщинистая рука сжимает корявый посох.

– Я в аду? – слетело с непослушных губ девушки.

– Ада не существует, – прошипела старуха.

– Тогда зачем я здесь?

– Затем, что кончилось твоё время, маленькая негодница! – старуха поднялась с камня и поковыляла по направлению к девушке. – Затем, что хватит с тебя наслаждаться молодостью и красотой. Гляди, – она потрясла своим посохом, – тот, к кому он прикоснётся, превращается в тех, кого видела ты по дороге сюда.

Больше всего на свете девушке хотелось подняться с колен, и броситься прочь отсюда. Пускай в зловещую мглу, полную наводящими ужас уродцами. Пускай в никуда. Пускай в неизвестность. Только подальше от этой лютой старухи и её корявого посоха. Но тело девушки, словно окаменело.

– Сейчас-сейчас, маленькая негодяйка! – Старуха уже совсем близко. Она заносит свой посох, целя девушке в голову. – Сейчас...

Вдруг стало светлее среди мрака. Будто луч фонаря осветил старуху и окружающую её пустоту.

– Проклятье! – прохрипела карга.

Вынырнув из темноты, путь ей преградил рыцарь в лёгких доспехах. Он стал между девушкой и чудовищем с посохом. В руках его сверкнул меч.

Старуха зашипела пуще прежнего, зашипела, как тысяча кобр. Проявив необычайное проворство, отпрыгнула в сторону. Схватила посох двумя руками. Схватила его, как хватают меч. Готовясь к защите. Готовясь к ответному нападению.

Рыцарь нанёс удар. Старуха парировала. Рубанула с плеча в ответ. Рыцарь уклонился. Старуха снова ударила. Воин сделал обманный нырок. Посох старухи поймал пустоту. Блеснувший в свете раскалённого камня меч, на сей раз был точен. Голова страшной старухи слетела с плеч. Из обрубленной шеи вырвался чёрный дым. Тут же запахло копотью. Тело старухи рассыпалось в прах. Тело девушки сразу обрело лёгкость.

Рыцарь развернулся к спасённой лицом. Это лицо показалось ей знакомым.

«Кто это? Кто? Неужели... Не может быть!»

Вдруг (девушка явственно почувствовала это за своей спиной), что-то огромное, что-то непомерно огромное, вошло сюда. Лик рыцаря исказила гримаса ужаса. И в тот же миг всё вокруг задрожало от громоподобного смеха. А после, голос, рокочущий как сходящая с гор лавина, проговорил:

– Черви! Время подходит к концу. Вашему миру осталось лишь несколько дней.

Вслед за этим раздался чудовищный треск, грохот, разодравший всё сущее на куски...

Молния открыла глаза. Над ней лицо мамы.

– Марина, что тебе снилось? Ты кричала во сне.

Молния приподнялась с подушки. Она продолжала часто дышать. На лбу блестела испарина.

– Марина, что тебе снилось? – повторила мама.

Молния взяла её за руку, крепко сжала её.

– Что-то должно случиться...

– Доча, что с тобой? – мать провела рукой по её волосам. – Что бы там ни было – это всего лишь сон. Что тебе снилось?

– Да, пустое. – Молния махнула ладонью. Она приходила в себя.

– И всё же?

– Я была в твоём платье, в том, в ситцевом, что в горошек.

– Нет у меня такого платья.

– Сейчас нет, а когда-то было. Помнишь, ты в нём на фотографии, вместе с папой.

– А-а! Так ведь уже сто лет прошло!

– Ну, не сто...

– А что ещё снилось?

– Одноклассник мой снился.

– Это который?

– Кирюшка Пыльников. Очкарик такой худой. Тонкогубый.

– Помню-помню. И чем же он тебя напугал?

– Да вовсе не напугал он меня.

– Так чего ж ты тогда кричала?

– А я уж забыла, что мне ещё снилось.

– Марина, не спи на закате. Нехороший сон на закате.

– Не буду.

– А испугалась ты, наверное, грома. Вон гроза-то как разгулялась!

– Ну, конечно же, грома! – согласилась дочь.

– Пойду я, – сказала мама. – А ты, давай-ка, вставай, умывайся, и марш за уроки. У тебя зачёт завтра.

– Угу.

Мама вышла из спальни. Молния проводила её глазами.

– Что-то должно случиться... – шёпотом повторила она.

* * *

– Кажется дождь собирается, – Хмырь пнул носком кроссовка пустой стаканчик из-под мороженого.

– Скорей бы уже собрался. Дышать нечем. – Ботан с надеждой взглянул на почерневшее небо.

Они сидели на скамейке в скверике на перекрёстке миров – мира «коробочных» и «приозёрных».

Пронзительный писк и собачий лай заставили их головы развернуться. Мохнатый бродячий пёс, припадая на передние лапы, яростно гавкал у старого дуба. На широком стволе его, в полутора метрах от земли, отчаянно вцепившись коготками в морщины коры, висел крохотный белый котёнок.

Несколько секунд Ботан размышлял. Потом встал со скамьи, поднял, удачно оказавшуюся под ногами упавшую ветку, и вооружённый ею, двинул на пса.

– Пшёл вон! – он замахнулся палкой.

Гавкающее животное поджало хвост и спешно ретировалось. Пёс оказался трусливым. Трусливее, чем Ботан.

Ботан подошёл к стволу, отцепил котёнка, опустил на траву:

– Беги к маме, дурашка!

Хмырь наблюдал за сценой с застывшей улыбкой. И было в этой улыбке что-то нехорошее, что-то то ли ехидное, то ли презрительное.

– Чего улыбишься? – Ботан сел на скамейку.

– Котёнка спас. Теперь ты у нас герой.

– Ну, герой-не герой, а спас.

– Да герой, герой, – улыбка Хмыря стала шире и ещё неприятней. – Пожалел ты котёнка.

– Ну, пожалел. И что?

– Ты его пожалел. А нас с тобой кто-нибудь пожалеет? – Хмырь перестал улыбаться. – Ты его спас. А нас кто-нибудь спасёт?

– Да, причём здесь мы?

– Притом, что в этом твоя проблема. Да и моя тоже... – Хмырь помолчал секунду, – ... была.

– Какая проблема?

– Ты идёшь против правил.

– Тебя опять понесло? Каких таких правил?

– Сильный жрёт слабого. Зло побеждает добро.

– Значит, по твоим правилам, я должен был позволить этому псу сожрать котёнка?

– Не по моим правилам. По правилам жизни.

– Помнишь, Молния сказала Мориарти, что в отличие от него, у нас есть душа. Так вот. Погорячилась она. По крайней мере, в отношении тебя.

– Душа, мой друг, ненужный атавизм. – Неприятная улыбка вновь вернулась на губы Хмыря. – И именно благодаря этому атавизму, ты и влачишь столь жалкое существование.

– Вот как? Атавизм? – Ботан прищурился. – Да ты, чудовище, мой дорогой! Будь у тебя моральных силёнок побольше, да такой папаша, как у Мориарти, ты наворотил бы таких дел...

– Что Мориарти, по сравнению со мной, показался б котёнком, которого ты только что спас, – закончил за него Хмырь.

– Во-во! Ты был бы хуже Гитлера. Только, бодливой корове бог рог не дал!

– Не дал, говоришь? – лицо Хмыря заиграло злорадством.

– А ты знаешь, что у Гитлера было одно яйцо?

– А ты уверен, что не дал? – Хмырь проигнорировал вопрос Ботана.

– И огромный комплекс неполноценности. Чуть меньше, чем у тебя, – Ботан проигнорировал вопрос Хмыря.

– Слушай, – Хмырь пристально глядел на Ботана, – а если бы всё это было правдой, что бы ты попросил в первую очередь?

– Ты о чём?

– О нашей сделке, дурень.

– Да бред, эта наша сделка.

– И фонарь твой в тумбочке бред? Он тоже галлюцинация?

– Ну...

– Баранки гну. Что бы ты попросил в первую очередь?

– А ты?

– Чего зря болтать? – Хмырь сплюнул. – Давай попросим прямо сейчас.

– Хорошо. Хочешь поиграть – давай поиграем. Давай попросим. Хотя... это такой дебилизм!

– Ты знаешь-то, как просить надо?

– Не знаю. Наверное, просто подумать.

– Не фига. Вот, дурень-то!

- А как тогда?
- Написать ему в личку.
- С чего ты взял?
- Сообщение от него получил.
- Во как!
- Ну, что? Пишем?
- А давай!

Они достают мобильники. Они выходят в ВК. Они кликают на «Друзья». Они выбирают «Чёрный блогер» ...

Ботан написал:
«Молния меня любит».

Хмырь написал:
«Я отомщён».

В тот же момент, раздался страшный по силе удар грома. От него задрожала земля, затрепыхался воздух. Секунду спустя, словно ударная волна от этого взрыва, шибанул шквалистый порыв ветра. На голову обрушились потоки воды.

– Бежим отсюда! – закричал Хмырь.

* * *

Именно в миг, когда прогремел раскат небывалого грома – грома, которого ещё никогда не слышал этот город; именно в миг, когда очнулась от своего кошмарного сна Молния; именно в миг, когда Хмырь и Ботан, щёлкнули пальцем по птичке, означающей «отправить сообщение», именно в этот миг, в полуразрушенном камине странного дома на пустыре, зажегся огонь.

В том камине не было дров. В том камине не было даже трухи. В том камине не было ничего. Ничего не может гореть. Это противоречит законам природы – но огонь горел. Горел ярко.

Мерцающие отблески этого огня запрыгали на седых от времени стенах. На одной из них, на той, что расположена противоположно камину, появилась размытая тень. Комната оставалась пустой, если не брать в расчёт останки истлевшей мебели. Невидимка не может отбрасывать тени. Это противоречит законам физики – но тень на стене была. Она двигалась.

Ливень забухал по покрытой мхом черепице. И сливаясь с этим буханьем, в пустоте спёртого воздуха странной комнаты странного дома, прозвучали неведомо кем произнесённые фразы. Только две фразы:

«Щель приоткрыта. Мои поздравления!».

Глава 4 Качок, Кастет, Могила

«...а далеко в ночи задышался и шептал шальной похоронный поезд с чёрным плюмажем на каждом вагоне, с лакричного цвета клетками, и угольно-чёрный калиоп всё вскрикивал, всё вызванивал мелодии трёх гимнов, каких-то спутанных, полузабытых, а может, и вообще, не их».

Рей Бредбери. «Надвигается беда».

Из тягучей августовской ночи вырвался огромный грузовик. В сером предрассветном сумраке, урча громадой мотора, по пустой, змеящейся меж оцепенелых холмов дороге, одиноко неслась ядовито-зелёная фура. Дорога называлась «трасса 93». Дорога вела к капризному городу.

Инспектор ГИБДД, лейтенант Колокольчиков, нёс службу в самое мерзкое время. Самое мерзкое время – это с четырёх до семи утра. Голова тупа и пуста, а в глаза хочется вставить спички. «Эх, плюнуть бы на всё, да поспать минуточек шестьсот!», – подумал лейтенант со звенящей фамилией, растёр ладонями красные глаза, и вышел из будки с надписью ДПС.

«Что-то сегодня не так», – эта мысль пришла ему в голову, когда он стоял у края дорожного полотна, обозревая трассу 93 в обе стороны. Пост при въезде в город расположен аккуратно на высотке. Взглянешь налево – дорогу видать километров на десять вдаль. Взглянешь направо – и вот оно – под тобою полгорода, как на ладони.

Даже в это мерзкое время, с четырёх до семи, когда все нормальные люди сопят и причмокивают в уютных постелях, здесь оживлённо. Ухая и поскрипывая, одна за одной ползут тяжёлые фуры, таща за собою громадные параллелепипеды пыльных прицепов. Теряя терпение, их пытаются обогнать, вечно куда-то спешащие легковушки-бродяжки. Величаво и чопорно, под стать океанским лайнерам, проплывают по асфальтовым водам автобусы с сонными пассажирами... Нескончаемая вереница транспортных средств, туда и оттуда, даже в это мерзкое время. «93-я» – крупная артерия и вена, а город, что раскинулся под курганом, вовсе не мал.

Утро, пол часа до восхода, будничные день. Трасса пуста. Только ветер гонит смятую сигаретную пачку вдоль по асфальту. «Повымирили все что ли?» – сказал инспектор и направился было в свою синюю будку, чтоб подремать, наплевав на устав, как взгляд его выцепил, там, далеко и внизу, на серой полоске дороги, зеленеющее пятно. «Остановлю его. Развлекусь хоть чуток», – решил инспектор и стукнул себя железом по ляжке.

Заскрипели усталые тормоза. Машина, проделав путь длинной в добрых полсотни метров, наконец, последний раз вздрогнула и остановилась.

Инспектор не спеша подошёл к кабине грузовика, приложил руку к фуражке:

– Лейтенант Колокольчиков. Проверка документов.

Он сказал это, и осёкся. В кабине никого не было.

«Шутки со мной шутить?!», – рассердился Колокольчиков, взобрался на высокую ступень грузовоза и заглянул в окно. Никто не прятался под дверью, кабина абсолютно необитаема.

«Может, он вышел? Поссать побежал, а я и не заметил?» – подумал инспектор, спрыгнул с подножки и обошёл фуру с другой стороны. Огляделся. Никого!

Колокольчиков впал в некое недоумение, облокотился спиной о бампер грузовика, не обратив внимания на то, что он пыльный и, наверняка, запачкает форму. Снял с головы фуражку, поскрёб пальцами лоб. И тут раздался сигнал. Сигнал такой мощи, будто одновременно затрубила сотня слонов. Колокольчикова словно подбросило. С прытью кузнечика он отскочил от бампера. Фуражка полетела в грязную придорожную лужу.

– Охренел что ли?! – заорал Колокольчиков на пустую кабину. Рука его потянулась к кобуре с пистолетом.

Машина зашипела и зарычала, как будто кто-то невидимый надавил на педаль акселератора.

– Да что же это такое?! – Колокольчиков отступил от грузовика на три шага.

Грузовик опять разразился сигналом. Таким же оглушительным. Но на этот раз музыкальным, многотональным. Колокольчиков знал эту мелодию. Едва ли найдётся кто-то, кто бы не знал её. Похоронный марш. Колокольчикову даже было известно, что автор этого марша – Шопен.

Продолжая громыхать похоронным маршем Шопена, грузовик взревел. Из выхлопной трубы вырвалась струя чёрного дыма. Никем не ведомая громадина плавно тронулась с места, набирая скорость покатила по шоссе, удаляясь всё дальше от поста ДПС, от застывшего в идиотской позе инспектора, от его потонувшей в грязи фуражке... Понеслась вниз под горку, туда, где ещё видел сны, ни о чём не подозревающий город, и по мере её удаления, звуки похоронного марша затихали в предутреннем полумраке.

Когда они смолкли совсем, Колокольчиков осенил себя крестным знаменем.

– Прости меня, господи! Прости меня, грешного! – запричитал инспектор. – Бросаю пить совсем, даже пиво. Перестаю вымогать у водителей. Перестаю изменять жене. Обещаю, господи! Обещаю!

Ни одного из своих обещаний Колокольчиков впоследствии не сдержал. Об инциденте с зелёной фурой вышестоящему начальству (да и вообще, кому бы то ни было) сообщать не стал.

Машина, под звуки похоронного марша, въезжала в город.

* * *

Это было наваждением. Третий день он не шёл из её головы. Да какого, собственно говоря, чёрта? Этот сморчок, этот дрищ, эта серость! А теперь ещё выяснилось, что и подонок, продажная шкура. Но стальная кираса на голом и мускулистом торсе, сверкающий меч в твёрдой руке, горящие бесстрашием глаза на мужественном лице... Причём здесь Пыльников? Это всего лишь сон. Настоящий Пыльников – трус и слабак. И всё же, уже третий день он шёл из её головы...

«Может быть, было совсем не так, как всё обустроил Савицкий? – начинала думать она, – с такого мерзавца станется. А Кирюшка – его вечная жертва. Но я-то поверила, гаду».

Поначалу, Молния объясняла своё наваждение и свой сон чувством вины. Пыльников – он хоть и задрот, и хлюпик, но за девять лет знакомства по школе, в подлости ею замечен не был. Чего не скажешь о Мориарти.

«Надо бы позвонить ему, сказать, что не верю Савицкому, поддержать слабачка. Ему сейчас нелегко» – говорила себе она. «Тогда и наваждение пройдёт» – убеждала себя она. «Это просто вина, просто вина...» – утешала себя она. Но образ рыцаря из сна упорно стоял перед внутренним взором.

Она набирает Сахара. Это единственный из пацанов бывшего класса, с кем она продолжала общаться.

– Серёжка, привет!

– Привет, дорогая! Чем обязан такому счастью?

– Дело есть к тебе, Серый. Помоги, тебе же не сложно.

– Что за дело? Мой постоянный клиент желает излить душу?

– Не желает. Мне нужен телефон... м-м-м... Пыльникова. Ботана.

– Пкхе! – поперхнулся Сахар. – Тебе? Номер Ботана?! А с какого перепугу, если не секрет, тебе вдруг понадобилось это чмо?

- Секрет, Серёжа.
- И тебе не хочется поделиться им со своим психоаналитиком? – с ехидной иронией спросил Сахар.
- Дай мне его номер, Серёжа.
- Да не знаю я его номера! Сто лет он мне сдался, этот Ботан.
- Узнай, Серёжа. Я очень тебя прошу.
- Что-то я совсем перестал тебя понимать, Марина Викторовна. После того что он на тебя наговорил, ты...
- Я не хочу это обсуждать, – оборвала его Молния. – Ты сможешь мне, или нет?
- Да зачем тебе обязательно знать его номер? Забей ВКонтакте «Пыльник», и напиши сообщение этому выродку, если уж тебе невтерпёж.
- До связи, Сергей, – голос Молнии стал сухим.
- Стой-стой-стой! Ладно. Узнаю. У Мориарти он должен быть.

* * *

Заложив забубённый вираж, и дав резко по тормозам, у стеклянных дверей фитнес-центра, встал мажористый Харлей – огромный и мощный, словно красный откормленный бык, с рогами-рулём. Хозяин припарковал свой байк в неположенном месте, но хозяину было на это совершенным образом начихать.

С быка вальяжно сошла гора мышц, в обтягивающем мотоциклетном костюме шоколадного цвета. Гора сняла шлем и нахлобучила на бритую голову кепку. Раздвинув, и без того широченные плечи, гора потопала по направлению к входу в спортзал. Гора звалась Сергеем Доценко, а между своими – Качком.

Серёгин папаша – личность весьма интересная, цельная и кондовая. С детства дружил со спортом, неплохо играл в футбол. В шестнадцать лет с друзьями бомбанули ларёк – отправился в колонию для несовершеннолетних. Через год попал под амнистию. Вернулся в футбол. Играл в высшей лиге. В восьмидесятые его имя гремело на всю страну. В девяностые – «бизнес» – букмекерские конторы, договорные матчи, подпольный тотализатор... трёхэтажный особняк в «Приозёрье», вилла в Базиликата, десяток миллионов зелёнью на оффшорных счетах – не так уж и много для того, чтобы задирать нос; не так уж и мало, чтобы сказать себе: «жизнь удалась!»

Несмотря на кондовость и неотёсанность был Доценко-старший мужиком непростым и донельзя сметливым. Сынище Доценко унаследовал это безо всяких потерь.

Не успели перед Серёгиным носом раскрыться прозрачные, снабжённые датчиками движения двери, как за спиной его раздались шипенье и скрежет. Качок обернулся. В полуметре от его Харлея стояла ядовито-зелёная фура.

– Козёл! – процедил Качок. Выставил вверх средний палец руки, вернул голову на прежнее место, и вошёл в холл.

Начинал и заканчивал он, как положено, с кардиотренировки – пятнадцать минут на беговой дорожке с уклоном в те же пятнадцать градусов. Когда он завершил, спустился с дорожки и повернулся лицом к залу, то, с удивлением обнаружил, что зал опустел. Ни человекка. Даже инструктора подевались куда-то.

– Ничего себе! – присвистнул Качок. – Ну и ладно. Меньше народу – больше кислороду.

Поигрывая геракловыми мышцами, он направился к «бабочке». Тренировка грудных мышц. Установил вес, к которому не мог подступить ни один из завсегдатаев этого зала. Он всегда устанавливал такие веса.

Сел на скамью, взялся за рукояти. Пять подходов по тридцать раз.

– Э-эх, взяли!

Что-то тихонько зашумело в безлюдном зале. Сама собой включилась, поползла лестница климбера.

– Ничего себе! – Качок закончил подход, подошёл к заработавшему по собственной воле тренажёру, кликнул по дисплею. Движение прекратилось.

– Вот так-то! – сказал Качок и вернулся к своей «бабочке».

Едва он начал второй подход, как вздуревший климбер снова включился.

– Задолбали, криворукие, – ругнулся Качок, – настроить нормально не могут.

Завершив подход номер два, он опять подошёл к климберу, и раздражённо ткнул пальцем в дисплей. Климбер застыл.

На третьем подходе произошло тоже самое – упрямый агрегат, словно испытывал его терпение.

– Да идите вы жопу! – возмутился Качок, – Я тут не нанимался за вашим бараклом следить. Фурычь себе дальше! – крикнул он климберу, – Да чтоб ты вообще сгорел!

После, он невозмутимо продолжил сводить и разводиться свои до безобразия раскачанные ручищи, более не обращая никакого внимания на козни дурацкой лестницы.

Теперь что-то громыхнуло, звякнуло что-то позади него.

«О! Принесла кого-то нелёгкая», – подумал Качок, не прекращая толкать рычаги.

Покончив с третьим подходом, он всё же обернулся, но не увидел за своей спиной никого. Он по-прежнему один в этом зале.

– Странно, – прокомментировал этот факт Качок, и отдыхая от подхода, прошёлся по залу. Может, кто спрятался здесь? Притаился где-то? Шутки с ним вздумал шутить?

Обход помещения ничего не дал. Если и был кто-то здесь, то замаскировался он качественно.

– Странно, – повторил Качок, и взялся за четвёртый подход.

«Серррёжа...», – проскрежетал металлический голос за его спиной.

Качок пулей соскочил со скамьи, развернулся:

– Кто здесь?

В ответ – тишина. В зале лишь тренажёры.

– Ну и дела! – Качок пожал плечами. – Показалось, блин.

Четвёртый подход пришлось начинать сначала.

Слева от него снова звякнуло. Один раз. Другой. Третий.

Качок посмотрел налево, и остолбенел. То, что он увидел, не лезло ни в какие ворота, не поддавалось никаким объяснениям. Блочный тренажёр, тот самый, что для спины, плеч и трапеций, ожил. Его перекладина ходила вверх-вниз. Его грузоблоки подлетали наверх, и с размаху летели обратно, издавая грохот и звон.

– Как?.. он же механический... – прошептал ошеломлённый Качок.

Град гулких тяжёлых ударов донёсся справа. Там, на помосте, у зеркала во всю стену, запрыгали десятки пар гантелей и три большие штанги. Будто какие-то сумасшедшие невидимки поднимали их, и бросали на помост. Поднимали и бросали. Поднимали и бросали...

– Да ну, на хрен!.. – выдохнул вусмерть обескураженный Качок, готовясь сорваться с места, и задать стрекача из этого проклятого зала. Но это не вышло...

Какая-то жестокая сила тискалами сдавила его мощную грудь. Две металлические руки тренажёра-бабочки, опустившись и изогнувшись, словно два змея взяли его в кольцо, намертво прижали тело к ставшей твёрдой, будто гранит, спинке.

– Пусти!!! – Качок заорал, как оглашенный.

Но хватка лишь усилилась.

– Пусти, гад! Урою! – он извивался, вырывался, кряхтел. Он отчаянно пытался выскользнуть.

– Попался, Серрррёжа? – вновь заскрежетал железный голос за спиной. И Качок, к своему безразмерному ужасу понял: с ним говорит тренажёр...

– Что тебе надо? – выкрикнул, задыхаясь Качок.

– Пришло время платить по счетам, мальчик мой, – проскрипела «бабочка».

– Ты полтергейст? Полтергейст?..

– Полтергейст, полтергейст, – согласился механизм. – Какой догадливый мальчик! –

Рукояти сдавили сильнее.

– Пусти! Дышать тяжело! – Качок закашлялся.

– Скоро тебе вообще не придётся дышать самому, – произнёс железный голос злорадно, – за тебя это будет делать аппарат ИВЛ.

– Что тебе надо? – измученно повторил свой вопрос Качок.

– Справедливости, крошка.

– Мне кто-то мстит?

– Bravo, мой умница! – Сжатие усилилось до такой степени, что рёбра Качка затрещали.

– А-а-а-о-у-у! – завыл раздавливаемый.

– Познай же унижение и боль, отрок! – громыхнул тренажёр.

– Это из-за Ботана? Из-за Хмыря?

– Поразительно сметливый мальчуган! – отозвалась железка, и увеличила жим.

– Ты убьёшь меня? – уже не голосом, срывающимся сипением спросил несчастный.

– Нет, – отвечал, ставший лязгающим голос, – это будет слишком легко для тебя. Ты заслужил большего. Ты заслужил того, что страшнее смерти. Я сокрушу твои рёбра, я переломлю твой хребет, я раздавлю твои шейные позвонки. И знаешь, что с тобой будет потом, мальчонка?

– Х-х-р-рых... – давление нарастало, и Качок теперь мог только хрипеть.

– Ты не сможешь ходить, – зловеще лязгал голос, – ты не сможешь двигать руками, ты будешь полностью парализован. Ты не сможешь даже дышать без аппарата. И ты не сможешь говорить. Так что, никому не расскажешь историю того, что с тобой приключилось.

Адские объятия сделались ещё жёстче. Послышался хруст ломаемых ребёр.

– Х-х-х...

– Стань же слабее самого слабого! – прогремел металлический голос. – Стань же несчастней любого несчастного! – голос эхом отразился от стен притихшего зала. – Познай же унижение и беду!!!

Сергей всегда тренировался с обнажённым торсом. Поэтому было хорошо видно, как белые обломки ребёр пронзили кожу, как грудь враз покрылась множеством рваных ран, как брызнула кровь...

Сергей потерял сознание.

* * *

Прихлёбывая остывший чай, Клиф бродил по Северному Королевству в поисках Цири. Несокрушимым, точно Ведмак, как и многие, он мог быть только в виртуальном пространстве.

– Да оторвёшься ты уже от своего компьютера?! – сварливо одёрнула его мать.

– А? – Клиф даже не оторвал взгляда от монитора.

– Ты знаешь кто? – продолжала атаку мать.

– Кто? – Клиф с мышью в руке выслеживал очередного ублюдка.

– Ты – интернет-зависимый!

– Угу. – Клиф почти разыскал ублюдка.

– Я тебе угукну! А ну, давай, мусор вынеси!

– Сейчас-сейчас, – Сейчас он его накроет.

– Если через пять минут не закончишь, я твой поганый компьютер в окно выкину! – после этой угрозы мать, с чувством выполненного долга, ушлёпала на кухню.

Сразу же зазвонила мобила. Высветился незнакомый номер. Кто же это мог быть?

– Алло.

– Кирилл, это ты? – спрашивает приятный девичий голос.

– Да. А кто это?

– Привет! Марина.

– Какая ещё Марина?

– М`арина. Молния.

Шок. Молчание.

– К-к-кто?..

– Молния, говорю.

– А... Э... Я тебя слушаю. Д-да... Я с-с-слушаю...

– Кирилл. Поговорить надо.

– А... да... да...

– Только не по телефону, слышишь?

– Да-да. Я слышу.

– Давай в скверике нашем, на скамейке под дубом. Идёт?

– А... Да... да... Идёт. Конечно, идёт.

– Через два часа. Идёт?

– Да. Ч-ч-через два часа. Идёт.

* * *

Валерке Костюшкину сегодня хотелось развлечься. Не просто развлечься, а оттянуться по полной. Где это сделать, как не в «Орионе»!

Там тебе и отпадный стриптиз, и игры на раздевание, и борьба голых девок в грязи, и даже кулачный бой культуристок.

Кулачный бой Валерка очень любил. Любил и умел. Ещё дошколёнком отец отдал его на каратэ-до. Не зря у Валерки кликуха – Кастет!

Без друзей оттяг – не оттяг. Он набирает Качка. Длинный гудок.

«Серёга, наверное, в зале. Когда качается, фиг телефон возьмёт. Ладно, потом позвоню».

Серёга качался в зале его отца. Отец Кастета – хозяин сети фитнес-центров. Между прочим, самой крутой в этом городе.

Кастет звонит Могиле.

– Могила, привет!

– Здорова.

– Вечерком кости растрясти не желаешь?

– Можно. А где?

– Двинули в Орион?

– О кей. А во сколько?

– Встречаемся в одиннадцать там. У стойки Лысого.

– О кей. Ну, отбой?

– Давай. Не опаздывай.

За руль своего Ленд Ровера, Кастет посадил сегодня водителя мамы. Без пятнадцати одиннадцать Кастет вышел из джипа у чёрного входа в знаменитый «ночник». ВИП-персоны входят в «Орион» отсюда. (Хотя, «ВИП-персона» – словосочетание некорректное).

Его внимание привлекла здоровенная фура, что почти перегородила проезд к входу справа. Цвета её в темноте Кастет различить не смог.

Он ещё подумал тогда (тогда он ещё умел думать): «Этот быдлюк совсем охренел? Как таких в центр города пускают?».

Перед тем, как нырнуть в потайную дверь для привилегированных, он ещё раз (наверное, уже в десятый) набрал Качка. Тот, по-прежнему, не отвечал.

«Где ж ты завис-то, балбес?» – сказал Кастет своему телефону.

Зал «Ориона» – многоуровневый. На каждом из уровней – толпа празднотанцующих. Вечер пятницы.

Клубный тусняк. Кто-то рубится на танцполе. Кто-то надирается у стойки до поросычьего визга. Кто-то в уголочке упарывается экстази. Кто-то склеивает чиксу. Кто-то окучивает чувачка... А кто-то здесь работает. Лысый – работал.

Толстяк, с гладкой, как тыл кулака головой, ловко жонглируя бутылками, разливал размешанным у стойки гостям коньяки и вермуты, самбуки и виски, водки и эли... С невероятным для своих габаритов проворством, с быстрой загадочностью иллюзиониста-манипулятора, он смешивал в длинных стаканах и пузатых бокалах таинственные ингредиенты, получая всевозможные «Голубые Гавайи», «Маргариты» и «Пины колады» с «Томами Коллинз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.